

A man with a beard and short brown hair, wearing a dark turtleneck and a grey blazer, stands on the left. A woman with long, wavy brown hair and light green eyes, wearing a grey knit sweater, stands on the right, holding a baby. The baby has light brown hair and blue eyes, wearing a white knit sweater. They are all looking directly at the camera. The background is dark with warm, out-of-focus lights.

ТАЯ
Наварская

Сын, О КОТОРОМ ТЫ
НЕ ЗНАЕШЬ

Тая Наварская

Сын, о котором ты не знаешь

<https://litres.ru/74332912>

Аннотация

– Я женюсь на дочери Саульского, – спокойно заявляет Демид.
– Что?.. – переспрашиваю я, не поверив ушам. – Ты слышала. Я сделал Алисе предложение. Свадьба зимой. – А как же... Как же мы? – в ужасе сжимаю положительный тест на беременность в заведенных за спину руках. – А что мы? – вскидывает на меня прямой бесстрастный взгляд. – Между нами все по-прежнему. Его слова подобны пощечинам: причиняют боль и вызывают дичайшее недоумение. – То есть как? – я начинаю задыхаться. – Ты женишься. А я? – А ты будешь моей любовницей, Айгуль. Мы с Демидом вместе почти год. Он стал моим первым мужчиной, и я думала, это навсегда. Однако теперь он женится на дочери своего бизнес-партнера, а мне отведена унижительная роль любовницы...

#властный жесткий герой #нежная героиня с характером
#общий ребенок #встреча через время

НОВИНКА "Дочь, о которой ты не знаешь":

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	63
Глава 12	68
Глава 13	74
Глава 14	79
Глава 15	84
Глава 16	89
Глава 17	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Глава 1

Широко распахнутыми глазами смотрю на тест и вижу, как на нем все отчетливей проступает вторая красная полоска. Вот это да! Похоже, я действительно беременна!

Радость, перемешавшись со страхом, теснит грудь, и я тихонько всхлипываю. Смаргивая влагу, скопившуюся на ресницах. Шумно выдыхаю скопившийся в легких воздух. Мой шок так силен, что мне трудно мыслить трезво.

Надо рассказать обо всем Демиду. Немедленно.

Он рассудительный и хладнокровный. Обязательно найдет нужные слова и подарит моей душе долгожданное спокойствие.

Мы с Демидом вместе уже почти год. Он стал моей первой любовью и первым мужчиной.

Познакомились банально: в кафе. Он подсел ко мне за столик и начал разговор. Поначалу внимание взрослого солидного мужчины меня смутило, а потом как-то незаметно для себя я расслабилась, раскрепостилась и полностью погрузилась в интересный диалог.

Демид старше меня на двенадцать лет. Ему – тридцать один, мне – девятнадцать. Кому-то такая разница в возрасте может показаться неприличной, но лично меня все устраивает.

Демид зрелый, красивый и бесконечно умный мужчина.

Слушать его рассуждения о жизни – сплошное удовольствие. Не знаю, может, это самовнушение, но порой мне кажется, что за год отношений с ним я и сама стала мудрее и осознаннее.

Беременность мы, естественно, не планировали. Как-то само получилось.

Вообще я из довольно строгой мусульманской семьи, и половые отношения вне брака в нашей культуре – табу. До встречи с Демидом я была твердо убеждена, что моим первым мужчиной станет муж, но жизнь распорядилась иначе.

Противостоять обаянию Демиды Гордеева оказалось выше моих сил. С самой первой встречи он поработил мой разум, мою волю и мое сердце.

Закрываю колпачок теста и, спрятав его в сумочку, кошусь на часы. Время – полдень. Кто знает, может у Демиды будет возможность встретиться со мной в обеденный перерыв? Уж очень не терпится сообщить ему новость о беременности.

Лукавить не буду: очень хочу, чтобы он обрадовался. Чтобы подхватил меня на руки, закружил и ласково назвал восточной принцессой.

А еще где-то в глубине души брезжит робкая надежда: а вдруг позовет замуж?

Я знаю, в наше время беременность – не повод для штампа в паспорте, но мне бы так хотелось, что наш малыш был рожден в браке.

Да и для моей семьи это важно. Если родители узнают, что я забеременела от взрослого мужчины, не сносить мне головы. И смягчить эффект от этой новости сможет только наличие кольца на безымянном пальце.

Подношу телефон к уху и несколько секунду слушаю протяжные гудки:

– Алло, – голос Демида по обыкновению пробирает меня до мурашек.

– Привет, дорогой. Ты сейчас сильно занят? Я бы хотела тебя увидеть.

– У меня как раз небольшой перерыв. Сможешь подъехать ко мне в офис?

– Конечно, – отзываюсь воодушевленно. – Я как раз неподалеку.

Демид – влиятельный бизнесмен. Его офис находится в деловом центре нашего города, и отсюда до него рукой подать.

Вызываю такси, и уже через десять минут поднимаюсь в просторном стеклянном лифте на восемнадцатый этаж.

– Добрый день! – здороваюсь с секретаршей, которая приветствует меня вежливой улыбкой. – Я к Демиду Андреевичу. Он на месте?

– Да, проходите. Он у себя в кабинете.

Коротко стучу в дверь, а затем распахиваю ее:

– Здравствуй, любимый.

Покачиваясь, Демид сидит в роскошном кожаном кресле.

На нем белая закатанная до локтей рубашка и слегка ослабленный галстук. Выглядит, как всегда, впечатляюще. Холерный, красивый, властный.

Прямо не мужчина, а бог в человеческом обликии.

– Привет, принцесса, – он выходит из-за стола и приближается, обдавая меня ароматом хвойного парфюма. – Я соскучился.

– И я, – отвечаю, трепеща всем телом.

Мне знаком этот его взгляд. Манящий, провокационный, как будто немного масляный.

Сейчас у нас будет секс.

Яркий, жаркий, полный чувств и экспрессии. Иначе с Демидом просто невозможно.

Без лишних слов он приникает губами к моему виску, а пальцами умело и быстро расстегивает блузку. В считанные секунды мы избавляемся от одежды и в яростном порыве страсти сливаемся воедино.

Благо, у Демида в кабинете толстые стены, а дверь – с хорошей шумоизоляцией.

Спустя пятнадцать минут я откидываюсь на подушки его офисного дивана и, все еще тяжело дыша, произношу:

– У меня для тебя есть новость.

– Правда? – Демид поднимает приспущенные брюки и застегивает ремень – У меня для тебя тоже.

– Да ну? – удивляюсь я, пытаюсь нащупать валяющийся на полу бюстгалтер. – Надеюсь, приятная?

– Я бы сказал, нейтральная.

Демид отвлекается на внезапно зазвонивший телефон, и, пока он обсуждает вопрос, связанный с поставкой оборудования на его новый завод, я бегло одеваюсь. Натягиваю колготки и блузку. Застегиваю юбку и, нашарив в сумочке тест на беременность, прячу его за спиной.

Вот будет романтично, если я без лишних слов покажу Демиду доказательство того, что наша любовь дала плоды.

Он кладет трубку. Переводит на меня холодный ясный взгляд и спокойно произносит:

– Я женюсь на дочери Саульского.

– Что?.. – лепечу я, не поверив ушам.

– Ты слышала. Вчера я сделал Алисе предложение. Свадьба состоится зимой.

– А как же... Как же мы? – в ужасе сжимаю положительный тест на беременность в заведенных за спину руках.

– А что мы? – бесстрастно поводит плечами. – Между нами все по-прежнему.

Его слова подобны пощечинам: причиняют боль и вызывают дичайшее недоумение.

– То есть как? – я начинаю задыхаться. – Ты женишься. А я?

– А ты будешь моей любовницей, Айгуль.

Глава 2

Воздух в легких вдруг резко заканчивается, будто от удара под дых. Пространство стремительно сжимается, а стены начинают давить. Голова кружится. Перед глазами мелькают блеклые вспышки. Ядовитая паника затапливает нутро.

Я силюсь сделать вдох, но ничего не получается. Эмоций так много, что они натурально парализуют.

– Любовницей? – изо рта вылетает не голос, а булькающий хрип. – Так вот какую роль ты мне отвел?

– Не драматизируй, Айгуль, – отзывается Демид. – Я по-прежнему буду заботиться о тебе. Ты ни в чем не будешь нуждаться.

Он совершенно невозмутим. Как ни в чем не бывало проходит мимо меня и садится за стол. Поправляет галстук. Приглаживает волосы.

Для него этот разговор – не более, чем формальная рутина. А у меня меж тем жизнь на ошметки рушится. Небеса, в которых я еще совсем недавно парила, с шумным грохотом обваливаются на голову, а мечты лопаются, словно мыльный пузырь.

В руках за спиной все еще лежит положительный тест на беременность, но, похоже, мне так и не суждено показать его Демиду. По крайней мере, сегодня. Он испортил момент, испортил сказку, в которую я верила. Как я могу сказать ему о

ребенке, если он прямо в эту секунду всерьез размышляет о браке с другой женщиной?

Отшатываюсь назад, к дивану, и незаметно прячу тест обратно в сумочку. Там ему и место.

– Но как же так, Демид? – я в ужасе заламываю пальцы. – Ты говоришь о наших отношениях как о сделке. Но мне нужна не просто забота. Мне нужна любовь, понимаешь? Взаимная, искренняя, честная!

– И я люблю тебя, принцесса. Ты прекрасно об этом знаешь, – уголки его губ дергаются вверх в снисходительной улыбке. – Но порой в жизни случаются обстоятельства непреодолимой силы. Нас не спрашивают, чего мы хотим. Мы просто должны поступить правильно.

– Поступить правильно?! – взвиваюсь я. – Так, по-твоему, обманывать будущую супругу и продолжать отношения со мной – это правильно?

– Есть такое выражение «и волки сыты, и овцы целы». Это как раз про нашу ситуацию, Айгуль. Я стараюсь минимизировать потери. Как для тебя, так и для Алисы. Поверь, она мудрая женщина и не строит иллюзий на мой счет.

– Хочешь сказать, она знает, что ты ее не любишь? – подобная дикость никак не укладывается у меня в голове.

– Именно так, – отвечает степенным наклоном головы.

– Но тогда зачем это все? – всплескиваю руками. – Зачем связывать себя семейными узами без чувств?

– Я уже говорил, что так надо, – в голосе Демиды просту-

пает сталь. – Это мое решение, и больше не намерен его обсуждать.

Он умеет подчинять взглядом. Умеет смотреть так, что изначально сильная воля превращается в труху, а собственные разумные доводы начинают казаться бредом.

Демид – жесткий властный мужчина, и за год наших отношений я привыкла заглядывать ему в рот. Привыкла слушаться и повиноваться. Так как все, что он говорил и делал, было воплощением силы и ума.

Но сейчас, вопреки его убеждениям, меня не покидает ощущение неправильности происходящего. Будто он намеренно пытается подменить понятия хорошего и плохого. Будто специально манипулирует мной.

Возможно, я идеалистка, но, как по мне, брак – это всегда про любовь. Про взаимную поддержку, про верность, про преданность. А то, что он предлагает... Не знаю, это попахивает фальшью.

Две обманутые женщины и один и один вечно мечущийся мужчина. Разве есть в этом счастье?

– Мне этого не понять, – мотаю головой, судорожно глотая подступающие к горлу слезы. – Такое чувство, что ты обманываешь не только меня, но и себя, Демид.

– Да хватит уже! – теряя самообладание, он ударяет кулаком по столку. – Это банальный договорной брак. В моих кругах все так женятся. В этом нет ничего экстраординарного, Айгуль!

– Брак, может, и договорной, – тихо возражаю я, – но спать-то ты с ней будешь по-настоящему?

Кажется, мой прямой вопрос про секс наконец заставляет Демида задуматься. Он берет короткую паузу, в течение которой нервно постукивает длинными пальцами по столешнице и напряженно глядит в окно.

– Айгуль, давай без глупых вопросов, ладно? – немного помолчав, отвечает он. – Ты ведь не маленькая уже.

На его языке это означает «да». Да, он будет с ней спать. По-настоящему. Будет ласкать губами ее кожу, наматывать на кулак ее волосы, нежно покусывать мочку уха и нашептывать всякие интригующие пошлости. Он будет проделывать с ней все то же самое, что десятки раз проделывал со мной.

При этом будет его женой. Законной. Официальной.

А я буду женщиной, которая всегда находится в тени. Которой достаются лишь остатки его внимания. Ведь такова судьба любовницы – играть на вторых ролях.

Слезы, которые я до сих пор сдерживала, водопадом прорываются наружу. Всего один всхлип – и вот уже по щекам градинками катится соленая влага, а грудь горит от рваных вздохов.

Мне больно. Физически больно от осознания того, что человек, являющийся для меня всем, так низко оценил мою любовь. Я вывернула перед ним душу, отдала всю себя без остатка, а взамен получила унижительный плевок в лицо.

Любовница. Вот, кто я в его понимании. А на большее,

увы, не гожусь.

Ведь женами таких ярких и успешных мужчин, как Демид, становятся такие же яркие и успешные женщины. Самодостаточные. Эффектные. С прекрасной родословной и огромным состоянием.

А у меня ничего этого нет. Я из простой семьи. Талантами не блещу. Полезных связей не имею.

Я обычная. И поэтому Демид не хочет на мне жениться.

– Ну, принцесса, не плачь, – он выходит из-за стола и, приблизившись, заключает меня в объятия.

Такие родные и уютные, что мне становится еще тяжелее.

– Мне очень плохо, Демид, – всхлипываю, утыкаясь носом в его грудь.

– Знаю, родная, знаю, – он ласково гладит меня по волосам. – Но это пройдет. Ты умненькая девочка и скоро все поймешь.

Он говорит «поймешь», а я отчего-то слышу «смиришься». Ведь, исходя из контекста, он именно это имеет в виду.

– За что ты так со мной? – реву я, комкая ткань его рубашки. – За что? Я ведь так тебя люблю!

– Айгуль, прекрати! – Демид раздраженно отстраняется. – Я устал от твоей истерики. Никто ведь не умер. Мы не расстаемся. Все будет точно так же, как прежде. Только, пожалуйста, не трахай мне мозги!

– Да не будет все как прежде, не будет! У тебя появится жена, потом – дети от нее! – кричу я срывающимся голосом.

– А мне что прикажешь делать?! Ждать, пока у тебя появится свободная минутка? А все остальное время выть на луну в одиночестве?

– Черт подели! – он снова шагает ко мне и, схватив за локоть, яростно шипит. – Мне нужна женщина, которая понимает своего мужчину и поддерживает его, несмотря ни на что. Ты эта женщина или нет?

Его вопрос немым укором повисает в воздухе, а я лишь растерянно хлопаю глазами, погибая от тоски и разочарования.

– Я... Я не знаю, – выдавливаю наконец. – Я правда не знаю...

Да и откуда? Мне всего девятнадцать. Демид – мой первый мужчина. Я беременна, а он заявляет, что женится на другой. Мой мир разлетается в щепки. Я потеряна и дезориентирована. Опора стремительно уходит, а под ногами разверзается настоящая бездна.

Как мне быть? Я совсем не понимаю, что правильно...

Демид отпускает мой локоть и отходит к окну. А я обнимаю себя руками, ощущая, как в груди разрастается черная дыра.

– Прости, – глухо произносит он, не оборачиваясь. – Я не должен был выходить из себя.

Я ничего не отвечаю. Только шумно шмыгаю носом.

– Ты должна понять меня, Айгуль. Просто должна. А иначе мы не сможем быть вместе.

От его слов становится лишь больнее.

Он не передумает. Не обернет время вспять. Женится на своей Алисе, даже если я на коленях буду умолять его этого не делать.

– Можно я уйду? – роняю тихо.

– Иди ко мне, моя маленькая, – обернувшись, Демид вновь тянет ко мне руки.

Но я шарахаюсь от него как от прокаженного

Не хочу. Просто не хочу, чтобы он сейчас меня касался.

– Пожалуйста, можно я уйду? – повторяю громче, не поднимая на него глаз. – Мне нужно побыть одной.

Какое-то время он молчит, пристально изучая меня взглядом, а затем наконец выдыхает:

– Хорошо. Иди. Увидимся позже.

Глава 3

Вылетаю из кабинета Демиды и тут же напарываюсь на изумленный взор его секретарши. Представляю, как я сейчас выгляжу: красные глаза, опухшие веки, влажный нос. Да еще и трясусь вся, как перепуганный заяц. Жалкое, должно быть, зрелище.

– Может, воды? – сочувственно предлагает она.

– Нет, спасибо, – мотаю головой. – Я уже ухожу.

Толкаю дверь и чуть ли не бегом устремляюсь к лифтам. Поскорее хочется оказаться в одиночестве и дать наконец волю чувствам. Потому что, находясь внутри, они меня отравляют. Голова гудит, сердце неистово колотится, а желудок сжимается, вот-вот грозя исторгнуть съеденное.

До дома добираюсь на автомате. Сознание в тумане, реакции притуплены. Однако, когда я просовываю ключ в замочную скважину, до меня внезапно доходит, что квартира, в которой я живу, принадлежит Демиду. А значит, совсем скоро мне придется ее освободить.

Эта мысль окончательно меня добивает, поэтому я захожу в прихожую, и не раздеваясь, валяюсь на пол. Припадаю щекой к прохладной плитке и начинаю тихо скулить.

Всевышний! Как же я ошиблась!

Когда Демид впервые предложил мне жить в его пустующей квартире, я тотчас отказалась. Мол, неудобно, да и в об-

щаже как-никак веселей. Потом Демид повторял свое предложение еще несколько раз, но я все равно находила отговорки. Мне не нужны были ни его деньги, ни его имущество. Только он сам.

Однако, чем дольше мы встречались, тем активнее Гордеев входил в мою жизнь. Оплачивал счета, покупал одежду, водил по дорогим ресторанам. В итоге мой переезд в его квартиру случился сам собой: Демид просто перевез мои вещи и поставил перед фактом, что я теперь здесь живу. А мне, как всегда, не хватило духу с ним поспорить.

На самом деле я была безмерно рада такому подарку. Вы только представьте: спать в огромной постели, готовить на современной кухне, лежать в джакузи с гидромассажем – это ли не мечта любой молодой девушки из провинции?

Рядом с Демидом я ощущала себя Золушкой, которой неожиданно-негаданно выпал шанс стать избранницей принца. Вот только, как выяснилось позже, жизнь далеко не сказка. В реальности принцы не женятся на Золушках, а предлагают им унижительную роль любовницы.

В лежащей рядом сумке пищит телефон. Нашупываю его рукой и прикладываю к уху:

– Алло.

– Айгуль, ну ты где? – раздается недовольный голос Светки Цветковой. – Я тебя уже десять минут жду!

Запоздало вспоминаю, что мы с ней договаривались о совместном походе в кино. Но из-за известий Демиды встречи с

подругой начисто вылетела у меня из головы.

– Свет, прости, я не приду, – сиплю в трубку.

– Почему? – настораживается она. – И вообще, что у тебя с голосом? Заболела?

– Ну как тебе сказать, – вздыхаю. – Почти...

– Не пойму, ты плачешь, что ли? – не унимается Светка.

– Что произошло?

– Де-демид же-женится, – давясь раздирающими грудь всхлипами, тяну я.

В трубке повисает тишина. Подруга на том конце провода, очевидно, впадает в ступор.

– Что значит женится? – после долгой паузы наконец выдавливает она. – На ком?

– На дочери какого-то бизнес-партнера, – снова всхлип. – Говорит, это просто договорной брак, но ведь он на самом деле будет спать с этой женщиной...

– То есть он расстанется с тобой?!

– Нет. Просит меня стать его любовницей. Говорит, что я должна понять и войти в положение... Но как я могу, Свет, если я люблю его? По-настоящему люблю...

– Да уж... Ситуация дрянь, – тяжело вздыхает Цветкова. – Ты дома?

– Угу, – хлюпаю носом, утирая льющиеся реками слезы.

– Никуда не уходи. Я сейчас подъеду. И мы вместе подумаем, как тебе быть дальше.

Светку я знаю уже два года и с уверенностью могу назвать

ее лучшей подругой. Мы познакомились летом, еще до начала учебы в университете. Вместе стояли в очереди в деканат и разболтались. Выяснили, что будем учиться в одной группе, и обменялись номерами. А впоследствии решили заселиться в одну комнату в общежитии. Так, собственно, и началась наша дружба.

Света, как и я, родом из провинции. Приехала в большой город получать образование. Улыбчивая, общительная, веселая – Цветкова сразу расположила меня к себе. А чуть позже я открыла в ней еще одно замечательное качество: Света умела слушать и не осуждать. Именно поэтому одна единственная, кому я рассказала об отношениях с Демидом.

С мамой, например, у нас тоже хорошие отношения. Доверительные, близкие. Но если бы она узнала о том, что я влюбилась в мужчину, который исповедует христианство и при этом на двенадцать лет старше меня, то неминуемо пришла бы в ужас.

Дело в том, что мои родители – верующие мусульмане. Мама покрывает голову, папа читает намаз. Они воспитывали меня в строгих традициях и с детства внушали, что, повзрослев, я выйду замуж за правоверного мусульманина.

Однако я, если честно, их высоких порывов никогда не разделяла. Мне хотелось быть обычной девчонкой. Веселиться, заниматься танцами, без зазрения совести носить короткие юбки. В силу возраста меня совсем не тянуло к религии, и на этой почве у нас с родителями несколько раз воз-

никали конфликты. Они видели мою жизнь совсем не так, как представляла ее я. Поэтому после окончания школы я с большим трудом отвоевала свое право на учебу в ВУЗе и переезд в другой город. Повезло, что удалось поступить на бюджет. Возможность бесплатного обучения стала главным козырем в споре с родителями.

Короче говоря, из всего моего окружения о страстном романе с Демидом знала только Света. И она всегда поддерживала меня. Говорила, что любви все возрасты покорны и что искренние чувства преодолеют любые преграды.

Она верила в нас. С самого начала верила. А сейчас получается, что зря. Ведь Демид бульдозером прошелся по моей любви, заявив, что женится на другой.

Цветкова приезжает через сорок минут, и к этому моменту я с трудом соскребаю себя с пола. Открываю входную дверь, и, едва перешагнув порог, подруга тотчас заключает меня в объятия. Крепкие. Уютные. Успокаивающие.

– Ну-ну, Айгулька, – похлопывает меня по спине, – не реви. Не конец света же.

Она ведь не знает всего. Понятия не имеет, что я не просто из-за предательства плачу. Подруге неизвестно, что у меня под сердцем развивается новая жизнь. Что я жду ребенка от человека, который хладнокровно и жестоко списал меня в утиль.

Так что для меня это конец света. Самый настоящий.

– Погоди, – тихонько бубнит она. – Дай хоть обувь сниму.

Скидывает балетки, вешает джинсовку на крючок и, схватив меня за руку, тащит на кухню. Сажает на стул, а сама принимается хозяйничать: включает электрический чайник, достает из серванта коробку конфет. Света часто бывает у меня в гостях, поэтому знает, где что лежит, и чувствует себя как дома.

– Ну рассказывай с самого начала, – сев напротив, она подпирает щеку кулачком. – Как он объявил тебе о своем намерении?

В подробностях передаю подруге недавние события. Описываю взгляды Демида, цитирую его слова, делюсь эмоциями. Светка охает, ахает, сопереживает. Ругает Гордеева. Говорит, что я поступила правильно, когда ушла. То и дело ободряюще сжимает мою руку.

Я делаю небольшой глоток чая и, немного помолчав, вздыхаю:

– Это ведь не все, Свет.

– А что еще? – волнуется она.

– Я ведь не просто так к нему в офис среди дня поехала. Новость одну сообщить хотела.

– И какую именно? – с любопытством.

Снова испускаю протяжный вздох. Отрываю взгляд от столешницы и перевожу его на Цветкову. Страшно вслух признаться. Даже ей.

– Я беременна, Свет, – говорю наконец.

Ее нижняя челюсть медленно отъезжает вниз. Будь мы в

другой ситуации, это было бы комично, но сейчас мне, сами понимаете, не до смеха. На иголках вся. Еле сижу.

– Как же так, Айгуль? – подруга в ужасе накрывает роль рукой. – Я думала, вы предохранялись...

– Так и есть, – киваю. – Но, видимо, не сработала защита...

Глава 4

Какое-то время мы проводим в гнетущем молчании. Света постукивает ногтями по столешнице, напряженно обдумывая услышанное. Очевидно, новость о моей беременности окончательно выбила ее из колеи.

Да я и сама, если честно, ни жива ни мертва. Нахожусь в глубочайшем оцепенении. На меня так много всего навалилось, что я просто не в силах осознать масштаб и глубину своей личной трагедии.

Подобно утопающему, изредка выныриваю на поверхность, делаю жадный глоток воздуха и снова неумолимо иду к эмоциональному дну. Меня к нему словно якорем тянет. Пока еле-еле держусь, но, как только за Светкой закроется дверь, на меня наверняка обрушится страшная истерика.

– Выходит, ты ему не сказала? – подает голос подруга.

– Нет, – качаю головой. – Собиралась, но потом он огоршил меня новостью о своей женитьбе, и я решила, что это не лучший момент для откровений.

Даже сейчас, когда я просто рассказываю о случившемся Свете, внутри меня все скукоживается и скрючивается от боли. Я так привыкла считать Демида своим, что одна лишь мысль о том, что он будет принадлежать другой, острым кинжалом ранит сердце.

– А дальше что предпримешь? – подруга взволнованно

покусывает губы.

– Не знаю, – выпускаю горестный вздох. – Наверное, все равно придется сказать... Он ведь как-никак отец...

– Отец, – подтверждает она. – Вот только ты не думаешь, что это может быть опасно? Для тебя и для малыша?

– О чем ты? – я хмурюсь.

Совсем не понимаю, куда Света клонит.

– Послушай, – она прокашливается, – я знаю, что это может прозвучать абсурдно, но я все же скажу. Потому что сейчас слишком многое на кону.

– Хорошо... – растерянно отзываюсь я.

– Демид – ведь богатый человек, так? С огромным влиянием и властью.

– Ну да... И что с того?

– А ребенок в твоём животе – его наследник. Его кровь и плоть, понимаешь?

Я киваю, и Света продолжает:

– У таких людей, как твой Гордеев, все не так, как у нас. Они иначе смотрят на вопросы деторождения и наследования. Поэтому не исключено, что он захочет забрать у тебя ребенка. И воспитать его самостоятельно.

Первая моя реакция – истеричный смех. Ну как Светке только могло прийти такое в голову? Это же настоящее средневековье! В наше время так никто уже не делает!

– Брось, – отмахиваюсь я. – Какие глупости! Демид никогда на такое не пойдет. Он порядочный человек.

– Порядочный, говоришь? – подруга многозначительно поджимает губы. – А ждала ли ты от своего порядочного мужчины такой подставы, как сегодня? Была готова к тому, что он всерьез соберется окольцевать другую, а тебя запишет в любовницы?

Этот вопрос подобен хлесткой пощечине. Отрезвляет мгновенно.

Света права: ничего подобного я от Демида не ожидала. Даже заподозрить его в таком не могла. Он всегда казался таким адекватным, таким спокойным и понимающим... Я думала, что знаю его очень хорошо, но на деле все вышло иначе.

Выяснилось, что у моего любимого есть и другая сторона личности. Темная, опасная и совершенно мне незнакомая.

– Ты и правда считаешь, что Деמיד захочет забрать у меня малыша? – задыхаясь от внезапно накотившей паники, сиплю я.

– Я не знаю, Айгуль. Но вот тебе одна поучительная история. Мне мама на днях рассказала. До сих пор мороз по коже, – Света подается вперед и слегка понижает голос. – Жила-была женщина, которая влюбилась и вышла замуж за богатого бизнесмена с криминальным прошлым. Все у них шло хорошо, но потом выяснилось, что он ей изменяет, и она подала на развод. А в момент бракоразводного процесса узнала о беременности, о чем незамедлительно сообщила будущему бывшему супругу. Мол, отец же. Имеет право знать.

Света делает паузу, отхлебывая чай из бокала, а я, дрожа от страха, спрашиваю:

– И что было дальше?

– Ничего хорошего, – мрачно отвечает она. – Мужик дождался рождения сына, а потом отобрал его у нее. Подтасовал документы, подкупил судей и повернул все так, будто она этому ребенку и не мать вовсе. Представляешь, какой урод? Женщина испытала настоящее горе. Вот уже несколько лет мечтает хотя бы увидеть свою кровинку, но козлина-бывший ее и на пушечный выстрел не подпускает. У него ведь деньги связи, а у нее – ничего.

Я шумно сглатываю першащий ком и затравленно вжимаюсь в спинку стула. История, мягко говоря, страшная. Даже представить не могу, каково это – не видеть, не общаться и не иметь возможности обнять собственного ребенка. Поэтому, это худшее, что может случиться с женщиной.

– Какой кошмар, – я запускаю пальцы в волосы. – Теперь мне по-настоящему страшно...

– Так что, если решишь оставить ребенка, десять раз подумай, нужно сообщать об этом Демиду, – предостерегает Света. – Особенно, если он и впрямь женится на дочери своего бизнес-партнера...

Светина фраза «если решишь оставить ребенка» режет слух. Что значит «если решишь»? Как будто у меня есть варианты...

Нет, я, естественно, слышала про такую процедуру как

аборт, но сама на нее вряд ли осмелюсь. Во-первых, убивать едва зародившуюся жизнь – большой грех. Причем не только в мусульманстве, но и в любой другой религии.

Во-вторых, я слышала, что первую беременность ни в каком случае нельзя прерывать. Якобы в таком случае существенно увеличивается риск последующего бесплодия. Не знаю, насколько это правда, но возможные последствия меня пугают. Ведь в будущем я хочу детей. Очень хочу. Как по мне, быть мамой – это наивысшая форма счастья.

Ну и, в-третьих, это личный аспект. Вряд ли я смогу жить в гармонии с собой, если вдруг надумаю прервать беременность. И дело даже не в религиозных и моральных догмах, а в моих собственных ощущениях. Я не знаю, как лучше объяснить, но мне кажется, это неправильно. Если Вселенная даровала тебе чудо в виде маленькой новой жизни, то ты обязана это чудо принять. От подарков судьбы нельзя отказываться.

Да и к тому же я действительно люблю мужчину, от которого забеременела. Правда вопрос тут в другом: любит ли он меня?

– Вариант аборта я не рассматриваю, – глухо отзываюсь я. – Буду рожать. Неважно, с Демидом или без него.

Ведь все может быть куда прозаичней, чем в Светиной страшилке: Гордеев не заберет ребенка, он просто откажется от него. Увы, такой вариант развития событий совсем не редкость. В лучшем случае мне светят алименты, в худшем

– вообще ничего.

Обидно осознавать, но, как правило, отцовский инстинкт гораздо слабее материнского. Мужчине интересны дети ровно до тех пор, пока его связывают отношения с их матерью. А как только эти отношения заканчиваются, то, как говорится, с глаз долой – из сердца вон.

А Демид хочет связать свою жизнь с другой женщиной... Стало быть, и до моего ребенка ему вряд ли будет дело.

От этих безрадостных мыслей на глаза вновь наворачиваются слезы. Я чувствую разочарование и страх каждой клеточкой существа, каждой фиброй истерзанной души.

Как же мне быть? Как же справиться со всем этим в одиночку?

– А родители? – сочувственно интересуется Света. – Они поддержат если что? Помогут?

Ох. Еще одна больная тема.

Я уже говорила, что у меня очень традиционная семья. Для них моя беременность может оказаться настоящим позором. Вы только подумайте: незамужняя девятнадцатилетняя дочь принесла в подоле. Что соседи-то скажут?

Роняю лицо в ладони и шумно всхлипываю. Сейчас, кирпичик за кирпичиком, рушится мой мир, и я ничего не могу с этим поделать. Я обескуражена растеряна, напугана и очень хочу отмотать время вспять. Чтобы все было, как прежде. Радужно, безоблачно и в свете большой чистой любви.

Мне до боли не хочется признавать тот факт, что наши

с Демидом отношения были фарсом. Что он просто пользовался мной и моим телом. Что из нас двоих по-настоящему любила только я, а он так, забавлялся. Весело проводил время с наивной дурочкой в то время, как в его голове медленно назревали планы о женитьбе на другой...

А ведь мама меня предупреждала. Говорила, что мужчинам из большого города нельзя доверять. Мол, у них корыстные мотивы и нет совести. А еще говорила, что власть и деньги развращают людей. Делают их жестокими и вселяют чувство вседозволенности.

Но я не слушала увещания родительницы. Отмахивалась от нее как от назойливой мухи. Думала, что сама разберусь. Искренне надеялась, что Демид станет не только моим первым, но и единственным. А на деле вон как оно вышло... Мама оказалась права, а я – у разбитого корыта. Беременная, без работы, без средств к существованию, без мужчины, который бы хотел сделать меня своей.

Я жестоко ошиблась и совсем не знаю, как рассказать об этом родителям.

– Отец будет в ярости, – сиплю я, обхватывая руками горячую чашку. – Не простит мне такого позора.

– Простит, – помолчав, отзывается Света. – Побушует да смирится. Ты ведь его дочь.

– Ты не знаешь мою семью, – качаю головой. – У нас традиции на первом месте. А я нарушила чуть ли не каждую из них. Запятнала себя и свою честь, понимаешь?

– Ну и что же теперь? – Света сочувственно кривится. – Не бросят же они тебя в беде?

– Не знаю... Я уже ни в чем не уверена.

– Брось, – подруга протягивает руку по столу и сжимает мои пальцы. – Не пори горячку. Безвыходных ситуаций не бывает.

Она права: безвыходных не бывает, но моя очень близка к таковой. Думаю, мне не остается ничего иного, кроме как еще раз поговорить с Демидом. Спокойно, взвешенно, без лишних эмоций.

Вдруг он одумается? Вдруг поймет, что тоже не может без меня жить? Ведь нам было так сладко, так хорошо вместе... Ну не может он променять это на какой-то бездушный договорной брак!

Любовь же сильнее, правда?..

Глава 5

Тщательно прокрашиваю ресницы и несколько раз моргаю, глядя в зеркало. Вроде симметрично. В обычной жизни я почти не крашусь, но сегодня вдруг решила прибегнуть к помощи туши. Немного подчеркнуть взгляд.

Вероятно, дело в том, что как-то бессознательно мне хочется выглядеть чуть лучше. Показать себя во всей красе. Продемонстрировать Демиду, что он может потерять.

Оттого на мне сейчас самое красивое платье из серии «на выход» и босоножки на небольшом, но довольно тонком каблучке. Я хочу понравиться Гордееву. Хочу, чтобы он посмотрел на меня и понял, что все эти разговоры про брак с Алисой – не более, чем глупость, навязанная чужим мнением. Что для процветания бизнеса ему вовсе необязательно связывать жизнь с нелюбимой женщиной.

Пара капель духов на запястья – и мой образ готов. Отхожу на несколько шагов назад и придирчиво осматриваю свое отражение. Выгляжу и впрямь мило. Гордеев должен оценить.

Мы договорились о встрече в его любимом ресторане «Бастион». Место это дорогое и жутко пафосное, но Демид обожает подобные заведения. Там подают устриц и морские гребешки, которые можно запить вином десятилетней выдержки. В общем, своим вкусам Гордеев не изменяет: выбирает

исключительно элитное и качественное.

Дорога на такси занимает чуть меньше получаса. Из всех сил подавляя робость и волнение, толкаю массивную дверь и вхожу в ресторан. Тут все по обыкновению помпезно: играет негромкая классическая музыка, официанты в изысканных жилетках и бабочках расхаживают по залу, столы ломятся от обилия деликатесов.

– Добрый вечер! – с улыбкой приветствует меня девушка-хостес. – Бронировали столик?

– Здравствуйте, – подхожу чуть ближе. – Бронь на имя Демида Гордеева.

– Секунду, – она опускает взгляд на монитор компьютера. – Все верно. Демид Андреевич уже ожидает. Пройдемте за мной, я провожу вас к столу.

Теребя лямку висящей на плече сумочки, следую за хостес. Мы пересекаем весь зал и останавливаемся у стола, который расположен возле огромного панорамного окна.

На фоне красивого сумеречного города профиль Демида, который в этот момент говорит по телефону, кажется поистине величественным. Он будто царь, который каким-то чудом очутился в реалиях двадцать первого века.

Почувствовав наше присутствие, Демид оборачивается и проходится по мне долгим оценивающим взглядом. Прямо с головы до ног окатывает. Затем возвращается к лицу и, все еще держа мобильник у уха, ровным голосом произносит:

– Понял. Перезвоню. Занят сейчас.

Убедившись, что привела меня к нужному гостю, хостес ретируется. А я по-прежнему стою на месте и зачарованно наблюдаю за тем, как Гордеев завершает деловой разговор и медленно откладывает гаджет на стол.

Уж больно он красивый!

– Привет, малыш, – Демид жестом манит меня к себе. – Выглядишь очень сексуально.

– Спасибо, – осторожно опускаюсь на диван рядом с ним.

Мы встречались в общественных местах уже сотню раз, но сейчас я ощущаю непривычную скованность. Все дело в важности разговора, который между нами сегодня состоится. Ведь от него в буквальном смысле зависит мое будущее.

– Поцелуй меня, – Гордеев властно цепляет пальцами мой подбородок и заглядывает в глаза. – Или ты не соскучилась?

– Соскучилась, просто...

Договорить не успеваю. Потому что горячие жесткие губы Демиды накрывают мой рот.

Терпко. Порывисто. Страстно.

Настойчивый язык проталкивается между моих зубов и принимается беззастенчиво хозяйничать во влажном тепле. Без права на отказ, без возможности сопротивления.

Демид всегда получает то, что хочет, и этот поцелуй не исключение. Он выпивает мою душу через рот, затуманивает мозги ядом своего безумного мужского обаяния, наматывает меня на спираль пьянящего сексуального магнетизма...

Он весь такой жесткий, напористый, но в то же время лас-

ковый и нежный. Его губы не только требуют и забирают, но и дарят блаженство. Я словно качаюсь на теплых морских волнах: ощущаю мощь стихии и вместе с тем получаю неземное удовольствие...

— Ну хватит, — с трудом разрываю поцелуй, который вот-вот грозит перетечь в жаркую прелюдию. — Тут же полно народу...

Мои щеки горят, а сердце бешеным маятником колотится о ребра. Я смущена, смятена, но при этом безотчетно счастлива.

— Плевать, — в свойственной ему безапелляционной манере отрезает Демид. — Общественное мнение — не более, чем белый шум.

— Для меня нет, — возражаю робко.

— Это потому что ты еще юная, — усмехается он, раскрывая меню. — Вот подрастешь и поймешь, что на чужую болтовню не стоит обращать внимания.

Пока Демид неспешно перелистывает страницы, я смотрю на него и задаюсь вопросами. Если ему действительно все равно, что подумают другие, то зачем тогда нужен этот договорной брак с дочерью Саульского? Ведь поистине свободный человек свободен во всем...

— Что будешь есть? — он кидает на меня быстрый взгляд.

— Салат из авокадо, — тычу пальцем в первую попавшуюся в меню позицию.

Аппетита нет. И токсикоз, о котором я много читала в

Интернете, тут ни при чем. Срок беременности еще очень маленький, тошнота и недомогание меня не беспокоят. По крайней мере, пока. Просто я сильно волнуюсь. Даже пальцы слегка подрагивают.

– Салат – это несерьезно, малыш, – хмурится Демид. – Ты и так очень худенькая, тебе нужно нормально питаться. Может, закажем медальоны из говядины? Они довольно неплохи.

– Давай, – соглашаюсь я.

Без разницы, что есть. Мои мысли лишь о том, как бы поскорее перейти к главной теме сегодняшнего вечера.

Демид подзывает официанта и озвучивает заказ. Я же все это время сижу неестественно прямо и нервно кручу в руках салфетку. Чем ближе момент истины, тем сильнее паника.

– Итак, – отпустив официанта, Гордеев откидывается на спинку дивана и фокусирует на мне прямой пронизательный взгляд. – О чем ты хотела поговорить, Айгуль? По телефону твой голос был очень взволнованным.

– О нас, – я чуть поворачиваю голову, чтобы лучше его видеть. – В прошлый раз мы не договорили, и я бы хотела вернуться к теме... К теме твоей женитьбы.

– Слушаю, – он совершенно невозмутим. Даже бровью не ведет.

– Так нельзя, Демид! – фраза выходит слишком громкой, и я выдыхаю, понижая голос. – То есть... Я не понимаю, как ты можешь всерьез предлагать мне такое. Я же люблю тебя. И

знаю, что ты любишь меня. Ты ведь не раз мне это говорил...

– Так и есть, принцесса, – подбадривает Демид. – Ты лучшая женщина в моей жизни.

– Ну раз так, то может, ты выберешь меня? – я слабо улыбаюсь я. – Поставишь меня на первое место?

– Ты и так на первом месте, Айгуль.

– Но... Если бы я была на первом месте, ты бы не предлагал мне роль любовницы...

– Это просто название, понимаешь? Если тебе не нравится слово «любовница», подбери какое-нибудь другое. То, которое будет по душе.

– Мне нравится слово «жена», – произношу, осмелев. – Но женой ты хочешь сделать другую женщину. Не меня.

Демид сводит брови. Замечаю, как напрягается его нижняя челюсть. Он злится, но я не могу дать заднюю. Не могу отступить.

– Айгуль, ты снова начинаешь, да? – бросает недовольно. – Я думал, мы будем говорить как взрослые осознанные люди.

– Мы и есть взрослые люди, поэтому давай откровенно, – я набираю побольше воздуха в легкие и на одном дыхании выпаливаю. – Роль любовницы для меня оскорбительна. Ты знаешь, какая я, из какой я семьи, поэтому должен понимать, что я не буду делить тебя с женщиной, которую ты сделаешь своей официальной супругой. Это выше моих сил.

– Это ультиматум? – Гордеев недобро щурится.

– Можешь считать, что так, – нервно сглатываю. – Ты должен сделать выбор, Демид. Либо я, либо брак с Алисой. Третьего не дано.

Глава 6

Какое-то время Демид пристально глядит мне в глаза. Будто взором пытается волю, желая ее надломить. Мне страшно, по телу рассыпана дрожь, но я не отвожу взгляда. Мужественно выдерживаю зрительную пытку, потому что искренне считаю, что правда на моей стороне.

Да, я хочу жить по любви, по совести. И не вижу в этом желании ничего предосудительного.

– Ты права, Айгуль, я знаю тебя, – после долгого молчания, произносит Демид. – Но при этом ты тоже меня знаешь. Поэтому должна понимать, что я не приемлю подобного рода ультиматумы. Я – мужчина, ты – женщина, и финальные решения всегда остаются за мной.

– Но что, если мне не нравятся твои решения? – изо всех сил пытаюсь подавить слезы, которые огнем дерут носоглотку. – Что, если они причиняют мне боль?

– Научись терпению, малышка, – его губы трогает холодная улыбка. – Поверь, это достойная жертва во имя любви.

Все мое нутро обращается в безмолвный протест. Я готова жертвовать ради любви, готова! Готова ждать, понимать, быть тылом и опорой. Вот только почему в контексте нашей ситуации жертвы требуются только от меня? Почему я должна быть несчастной, а Демид непременно на коне? Разве это честно?

– Ты женишься на Алисе, – хрипло произношу я. – Приведешь ее в свой дом. А где все это время буду я?

– Ты будешь жить в моей квартире. Я буду полностью тебя обеспечивать.

– И что дальше? Днем ты будешь отыгрывать роль примерного семьянина, а вечером приходить ко мне? – я смаргиваю, и слезинка сползает по моей щеке. – Будешь заниматься со мной любовью, а наутро снова уходить к ней? Ты хоть представляешь, сколько боли будет между нами всеми?

Я пытаюсь воззвать к голосу его разума. Ведь Демид рассудительный человек. Он не может не понимать, что эти отношения обречены на провал. Страдать будут все: и я, и Алиса, и он сам, потому что двойная жизнь никого не сделала счастливым.

Я еще молода и мало разбираюсь в жизни, но даже мне ясно, что этот чертов любовный треугольник – утопия. Истинные чувства так не работают. Тут либо все, либо ничего. Компромиссы в вопросах любви попросту неуместны.

– Послушай, Айгуль, я знаю Алису. Она современная разумная женщина. Прекрасно все понимает и не строит иллюзий насчет наших чувств. Наш брак – чистая формальность. Не более, чем печать, скрепляющая договор.

– Это ты так думаешь, – отзываюсь глухо.

– Если я так думаю, значит, так оно и есть, – в его голосе снова звучат нотки раздражения.

– Считаешь, ты всемогущ?

– А ты считаешь иначе? – с вызовом приподнимает бровь.

Молчу, потому что осознаю, что у твердого характера Демида, которым я так восхищалась, есть обратная медаль. Он не просто властный и бескомпромиссный, нет... Он живет с тотальным ощущением собственной правоты. Совершенно не прислушиваясь к чувствам и переживаниям других людей.

Наверное, для бизнеса – это хорошая черта. А вот для личной жизни, как выяснилось, не очень.

– Я, пожалуй, выпью, – Гордеев вновь хватается за меню.
– Ты будешь?

– Нет, – качаю головой. – Не хочу.

– Брось, детка, выпей бокальчик вина, – настаивает он. – Ты слишком напряжена, тебе надо расслабиться.

– Я не хочу, Демид, – повторяю чуть громче. – Спасибо.

Если вдуматься, сейчас прекрасный момент для того, чтобы объявить ему о своей беременности. Мол, я не пью, потому что мне нельзя. А нельзя мне потому, что я жду от тебя ребенка. Вот такой вот сюрприз.

Однако момент хорош только в теории, потому что где-то в глубине души я понимаю, что мое признание ничего не изменит. Да и не хочу привязывать Демида ребенком. Я хочу иметь для него ценность сама по себе. Как женщина. Как личность. Но, похоже, он не разглядел во мне ни того, ни другого...

В конечном счете мне важно знать, примет ли он мою сто-

рону. Поставит ли меня на первое место вопреки интересам бизнеса. Если нет, то общий ребенок ни на что не повлияет. А, возможно, даже наоборот: лишь усугубит ситуацию.

Гордеева заказывает себе виски, и мы вновь оказываемся наедине.

Я утираю влажные щеки и вновь направляю на него взгляд:

– Демид, я не шучу. Ты должен выбрать. Либо Алиса, либо я.

– А ты упертая, да? – ухмыляется.

– Пожалуйста, – до боли в ладонях стискиваю кулаки, – ответь.

– Почему женщинам непременно нужно все усложнять? – он морщится. – Непременно нужно разыгрывать эту дешевую драму?

– Демид, я серьезно...

– Окей, – он делает паузу и стреляет в меня злым взглядом. – Хочешь расстаться? Давай. С этой минуты ты свободна. Я тебя не держу.

Вот так?.. Вот так просто он обнулил целый год нашей любви?..

«Ты свободна». Всего два слова, но ранят они до костей. Уж лучше бы он пустил пулю мне в лоб. Это было бы не так жестоко...

– То есть ты выбираешь Алису? – подытоживаю я, вслепую нащупывая лежащую на диване сумочку.

Глаза застланы мутной пеленой слез. Я почти ничего не вижу.

– Да. Если ты *так*ставишь вопрос, то я выбираю Алису, – бесстрастно отвечает он. – Ты довольна?

– Более чем, – сиплю не своим голосом.

А затем вскакиваю и на стремительно слабеющих ногах несусь прочь. Вылетаю на улицу и жадно глотаю прохладный вечерний воздух. Мне душно, мне больно, мне кажется, что я вот-вот умру...

Вот и все. Демид сделал выбор. И он, увы, не в мою пользу.

Передо мной разверзлась страшная зияющая пропасть, в которую я лечу на полной скорости...

Глава 7

Древний пазик родом еще из советских времен, тяжело кряхтя, притормаживает на нужной мне остановке и распаковывает двери. Подхватываю небольшую дорожную сумку и, поблагодарив водителя, покидаю автобус.

На улице резвится май. В преддверии лета природа наполнилась яркими красками и душистыми ароматами. Хорошо. Живописно. Вот только мне нет дела до окружающей красоты. Трудно радоваться простым мелочам, когда на душе кошки скребут.

Решение приехать в родительский дом на выходные было трудным, болезненным и выстраданным. Я знаю, что мне придется несладко, но при этом поступить иначе просто не могу. Ведь шила в мешке не утаишь. Рано или поздно правда непременно вылезет наружу.

Я жду ребенка. А его отец женится на другой женщине.

Без понятия, как я сообщу об этом родителям, но выбора у меня нет. Чем скорее признаюсь, тем быстрее минует буря. Ее просто надо пережить.

Вешаю сумку на плечо и, не торопясь, устремляюсь вдоль по широкой полевой тропинке. Деревня, в которой я родилась и выросла, находится в трех километрах от трассы, которые я намерена преодолеть пешком.

Обычно я звоню отцу или братьям с просьбой о том, чтобы они встретили меня на машине, но сегодня решаю этого не делать. Пешая прогулка до дома – это время, в течение которого можно еще немного подумать. Попытаться подобрать правильные слова и морально подготовиться к неизбежному.

Майское солнце находится в зените и нещадно припекает. Провожу рукой по волосам и выдавливаю из себя вымученную улыбку. Интересно, настанет в моей жизни такой момент, когда я снова искренне смогу наслаждаться хорошей погодой? Или черная полоса растянется на бесконечно долгие годы?

Чем ближе я подхожу к деревне, тем тяжелее становятся мои ноги. Такое чувство, будто к ним пудовые гири привязали. Каждый новый шаг – через жуть и сопротивление.

– Айгулька, ты? – кричит заметившая меня соседка, оторвавшись от грядки.

– Здравсьте, тетя Фируза, я, – отзываюсь, делая взмах рукой. – Мои дома, не знаете?

– Да, только-только домой зашли, – кивает. – До этого у Уразовых овец стригли.

– Спасибо.

– Ты надолго? – она утирает лоб и поправляет косынку, покрывающую волосы.

– Да нет, на пару дней. Повидаться приехала.

– Ну молодец. Будет время, на чай заглядывай.

– Ага. Если получится.

Хотя я уже заранее знаю, что не получится. В ближайшие дни мне точно будет не до чаепитий.

Толкаю калитку и захожу на территорию нашего двора. Тут все небогато, но ухоженно. Мама с папой трудятся, не покладая рук: за огородом смотрят, скотину держат.

В детстве и юности я тоже много чего делала по хозяйству. И корову доила, и грядки поливала, и картошку окучивала. Однако в тайне всегда мечтала поскорее уехать в город и освободиться от тяжелой изнуряющей работы, которая никогда не заканчивается. Жизнь в деревне трудна, и выдержать ее может только тот, кто по-настоящему все это любит.

Миную ступеньки и захожу в дом. В нос тотчас ударяет аромат бани и свежей выпечки. Наверняка к моему приезду мама решила состряпать свой фирменный яблочный пирог.

– Я дома, – кричу я, опуская на пол сумку.

Из глубины жилища доносятся шаги, а еще через пару секунд в сенях показывается мама. За ней семенят мои младшие брат и сестра – Арслан и Руфина.

– Кызым приехала! – радуется родительница, заключая меня в крепкие объятия. – Как дела? Нормально добралась?

– Привет, энием, – целую ее в щеку. – Да, все хорошо.

Следом обнимаю младшеньких и, скинув кеды, прохожу в просторную кухню.

– Мой руки и садись за стол, – суетится мама. – Проголодалась поди.

– Если честно, не очень, – пожимаю плечами. – А папа

где?

– В курятник пошел. Сейчас вернется.

Озираюсь по сторонам, и сердце снова болезненно екает. Я не была дома с зимы и успела соскучиться по этому месту. Однако приятную ностальгию перекрывает страх, который парализует тело и судорогами оседает где-то в области живота.

Я чувствую, что момент горькой истины все ближе, и никак не могу справиться с эмоциями, которые нарастают подобно снежному кому.

– Кызым, привет, – папин бас прилетает в спину словно стрела.

Оборачиваюсь и опять вооружаюсь искусственной улыбкой. Я сейчас так паникую, что даже уши немного закладывает.

– Привет, этием, – приближаюсь и обнимаю отца.

Половина его лица по обыкновению скрыта за густой черной бородой, в которой понемногу появляются серебряные пряди. Темные глубоко посаженные глаза смотрят цепко и испытующе. Я всегда немного робела перед отцом, а сейчас – особенно.

– Алсу, обед готов? – роняет папа, обращаясь к маме.

– Да-да, уже накладываю, садись.

Помогаю родительнице накрыть на стол, за который мы вскоре садимся. Передо мной дымится тарелка с ароматным супом, но аппетита нет от слова совсем. Я так нервничаю,

что кусок в горло не лезет.

– Итак, – начинает отец, отламывая краюшку хлеба. – Какие новости, Айгуль? Как учеба?

– Учеба в порядке. Год заканчивается, скоро начинается сессия.

– Надеюсь, в этот раз все экзамены сдашь на отлично?

– Я постараюсь, – опускаю глаза в столешницу и медленно выпускаю воздух из легких.

Так. Хватит тянуть. Я должна обрубить этот метафорический узел. Перед смертью все равно не надышишься.

Вскидываю на родителей взгляд и, сжав ладони в кулаки, выпаливаю:

– Энием, этием, я должна вам кое-что сказать.

– Что такое, кызым? – тревожится мама.

– Я... Я...

Слова обрастают шипами и комом застревают в горле. Мне физически больно говорить родителям о случившемся. Для них это будет настоящим ударом.

Почуввав неладное, отец откладывает ложку и сводит брови на переносице. Напряжение нарастает. Я чувствую, что начинаю задыхаться.

– Айгуль, в чем дело? – повторяет мама.

– Простите меня, но... Я беременна.

Глава 8

За столом повисает тишина, а родители продолжают буравить меня пристальными, полными недоумения взглядами. Такое ощущение, что они не до конца поняли смысл моих слов и ждут каких-то пояснений.

– Что... Что значит беременна? – хрипит мама, ошарашенно хлопая глазами. – Что ты такое говоришь?

– Так вышло, – отзываюсь я.

Паника сдавливает горло. Ладони покрываются липким потом.

– Но разве ты с кем-то встречалась? – родительница в растерянности оглядывается на папу. – Мы ничего об этом не знали... Да ведь, Ринат?

Но отец продолжает хранить молчание. И только в сощуренных глазах горит недобрый огонек.

– Я встречалась с одним мужчиной, – прокашлявшись, отвечаю я. – И да, мы были близки.

– Ах ты потаскуха! – взрывается отец.

Он молниеносно поднимается на ноги, перегибается через стол и наносит мне хлесткую унижительную пощечину. Лицо тотчас схватывается жаром и болью, а из глаз брызгают слезы. Прикладываю ладонь к полыхающей коже и шумно всхлипываю.

Я знала, что так будет, но мне все равно до дрожи обидно.

– Как ты могла?! – ревет отец, нависая надо мной грозовой тучей. – Разве так мы тебя воспитывали?!

– Ринат, прошу, перестань, – мать в ужасе пытается его уговорить.

– Молчать, женщина! – рывкает он, а затем снова переводит свирепый взгляд на меня. – Отвечай, Айгуль! Как ты до такого докатилась?!

– Прости, – реву я. – Я не хотела, чтобы так получилось...

– А не надо было спать с кем ни попадя! Ох, какой позор!

Отец раздражается ядовитой руганью, а я пристыженно смотрю в пол и молчу. Пусть бушует, ему надо выговориться. Если не спорить и возражать, он вскоре должен успокоиться.

– Ринат, пожалуйста, – щебечет мама. – Не будь к ней строг. Она ошиблась, запуталась...

– Не ошиблась она! Осознанно под какого-то кобеля легла! Сучка малолетняя!

Мне так плохо, что хочется провалиться сквозь землю. Чтобы не слышать этих гадких слов, чтобы не чувствовать боли, которая кислотой сжигает сердце.

Я знаю, я виновата в том, что влюбилась. В том что поступила принципами и нарушила заповеди. Но, когда я проводила ночи вместе с Демидом, мне совсем не казалось, что я делаю что-то неправильное... Наоборот, связь с ним была такой глубокой, такой искренней и естественной, что я впервые за долгое время чувствовала себя самой собой.

Кто же знал, что все так обернется... Что в конечном итоге

любовь, в которую верила, обернется настоящей трагедией.

— Кто он? — рычит папа, подобно буйному зверю меряя шагами кухню. — Говори, кто?!

— Один мужчина. Ты его не знаешь, — мямлю едва слышно.

— Надеюсь, мусульманин? — не унимается отец. — Когда никах?!

— Он не мусульманин, — я понятия не имею, откуда у меня берутся силы на голос. — И свадьбы не будет.

— Это еще почему, Айгуль?! — вмешивается мама.

— Потому что мы не вместе. Больше не вместе.

Родители переглядываются. Отец в таком бешенстве, что кажется, вот-вот перевернет стол. В глазах мамы стоят слезы. Они не ожидали от меня такого. Я разочаровала их.

— Этот урод тебя бросил? Заделал ребенка и бросил, да? — папа вновь переходит в наступление.

— Нет. Есть причина, по которой мы не можем продолжать отношения.

— И что же это за причина?!

— Он женится на другой.

Дальше скандал набирает обороты. Папа рвет и мечет, мама в голос ревет. Их крики привлекают внимание младшеньких, и они, забившись в угол, безмолвно наблюдают за разворачивающейся драмой.

В итоге отец хватается за ружье и требует, чтобы я назвала ему имя того, кто меня обрюхатил. Дескать, мерзавец должен получить по заслугам за то, что совратил невинную де-

вушку. Я молчу, и папа злится пуще прежнего. Грозится, что никогда не примет выродка, которого я ношу. И что за грехи и непослушание меня ждет джаханнам*.

Мама тщетно пытается его усмирить, и ей тоже достается:

– Это ты виновата! – гневно выплевывает отец. – Ты разрешила Айгуль уехать в большой город, где ее настигли разврат и порок!

– Она хотела получить образование! – оправдывается родительница.

– А теперь ни образования, ни чести! Какой позор! Ходаем*, какой позор! Наша дочь – падшая женщина! И это все с твоей подачи!

Отцовские слова катаной проходятся по самооценке, которая в последнее время и так на нуле. Я чувствую себя потерянной, испорченной, жалкой. Будто в грязи с головы до ног выпачкалась.

Слезы катятся по щекам, а в груди разбухает огромный ядовитый ком. Мне трудно дышать, трудно ворочать языком. На объяснения и протест нет сил.

Хочется лишь одного – чтобы эта пытка поскорее закончилась. Чтобы отец побыстрее выплеснул свое негодование и затих. Чтобы мама перестала плакать. Чтобы младшие брат и сестра не забивали голову проблемами, которые им совсем не по возрасту.

– И что ты собираешься делать?! – нагнетает папа. – Учти, мы твоего ребенка растить не будем!

– Ринат, не говорит так! – всхлипывает мама. – Не бери грех на душу!

– Молчи!

– Я об этом и не прошу, – отвечаю глухо. – Сама выращу.

– Сама! – он злобно усмехается. – Да что ты из себя представляешь-то сама?!

– Работать буду.

– Кем?!

– Да хоть кем. В городе работы много.

– Дура ты, Айгуль! Такая дура! – отец сокрушенно качает головой. – Не ожидал я, что ты так нас подведешь!

С этими словами он наконец покидает кухню и, громко хлопнув дверью, выходит во двор.

*Джаханнам – ад в мусульманском учении.

*Ходаем – «боже» на татарском языке.

Глава 9

На часах за полночь, но слезы никак не иссыхают. Скатываются по вискам, скользят по щекам и впитываются в подушку. Я знала, что будет непросто, что родители придут в ярость. Прокручивала в голове грядущий скандал, но все равно оказалась к нему неготовой.

Больно, когда человек, воспитавший тебя, смотрит с презрением. Когда в его глазах отражается не только разочарование, но и совершенно нескрываемая брезгливость.

Отец считает, что я падшая, что мне чуждо такое понятие как совесть. Вот только это не так. Далеко не так.

Почему всевышний дарует людям любовь и сексуальное влечение, но при этом запрещает поддаваться соблазнам? Почему перед женщиной всегда стоит чудовищно трудный выбор: любовь или принципы?

Я выбрала первое. Сделала ставку на Демида. Поверила ему, вручила свою честь и гордость. Вот только в конечном итоге моя импульсивность обернулась против меня. Теперь я одна. Осуждаемая и гонимая. Мне негде искать поддержки, не к кому обратиться за помощью. Целый мир против меня.

Шумно всхлипывает и комкаю на груди одеяло. От долгих рыданий безумно болит голова, но сна нет ни в одном глазу. Нервы воспалены. В душе бушует ненастье.

Внезапно тонкая полоска света из коридора прорезает

темноту моей комнаты. А следом в дверях показывается мамин силуэт. Она осторожно пробирается к кровати и шепотом интересуется:

– Кызым, спишь?

– Нет, – отзываюсь я, гундоса забитым носом.

– Побуду с тобой немного.

Она ложится рядом, забирается под одеяло и крепко меня обнимает. От нее доносится слабый аромат выпечки и стирального порошка, который знаком мне еще с детства.

– Прости меня, энием, – шепчу я. – Я не хотела вас подводить...

– Перестань извиняться, Айгуль, – говорит неожиданно. – И плакать тоже перестань.

– Я не знаю, как мне быть дальше, – признаюсь откровенно. – Где взять силы? Такое чувство, будто весь мир против меня...

– Это не так, милая. Совсем не так, – мама поглаживает меня по голове.

– Но папа...

– Папа просто зол. Он в гневе, понимаешь? Потому что ситуация вышла из-под его контроля. А он терпеть этого не может.

– Мне кажется, он меня ненавидит.

– Ничего подобного. Просто дай ему время, хорошо? Он остынет и изменит свое мнение.

– Думаешь?

– Я в этом даже не сомневаюсь.

– Ох... Может, мне не стоило ничего никому говорить? Надо было сделать аборт и покончить с этим? – негромко озвучиваю крамольные мысли.

– Выбрось эту ерунду из головы! – строго говорит мама.
– Ребенок – это дар божий. И в скором времени ты сама это поймешь.

– Мне будет трудно.

– Трудности закаляют, Айгуль. Делают наш характер сильным. Не бойся, что будет тяжело, мы поможем.

– Правда? – слабо улыбаюсь.

– Конечно. И не слушай отца. Он сам не ведает, что говорит.

Ее слова поддержки безумно приятны. И мне даже начинает казаться, что в конце тоннеля забрезжил тусклый свет.

– А как же учеба? – помолчав, роняю я.

– Это я тебе хотела спросить. Как ты планируешь действовать?

– Пока не знаю, но я бы очень хотела получить образование. Ведь это моя давняя мечта.

В детстве все девочки-ровесницы хотели стать певицами и актрисами, а я страстно грезила о карьере психолога. Мне казалось, это так круто – разбирать по полочкам чужие жизни, находить в них хорошее, помогать и оказывать поддержку. Когда я была маленькой, психолог виделся мне кем-то вроде доброго волшебника, который взмахом палочки спо-

собен делать мир людей лучше.

Теперь я, конечно, понимаю, что психология – никакое не волшебство. Это огромный пул знаний, при грамотном использовании которых можно действительно разрешить очень много человеческих проблем.

Я сделала выбор профессии осознанно и поэтому очень хочу получить диплом об окончании ВУЗа. Хочу развиваться, профессионально прогрессировать, а в будущем – иметь свою частную практику.

До недавнего момента мне казалось, что все возможно, однако теперь я сомневаюсь. Как совмещать учебу и воспитание грудного ребенка? Где брать деньги? Как сохранить внутренний ресурс?

– Я тоже думаю, что тебе не стоит сдаваться, – задумчиво произносит мама. – Выход есть всегда.

– Я могла бы учиться во время беременности, а потом взять академический отпуск на год, – предлагаю несмело.

– Да, очень даже может быть.

– А еще можно было бы перевестись на заочку, чтобы осваивать часть материала самостоятельно.

– Тоже верно.

– Правда я совсем не уверена, что справлюсь, – вздыхаю я. – Учеба никогда не давалась мне легко.

– Не пасуй раньше времени, Айгуль. Вот увидишь, после рождения ребенка у тебя откроется второе дыхание, – усмеивается мама. – Когда я впервые забеременела, мне казалось,

что я не справлюсь. Что мне не будет хватать времени на присмотр за хозяйством и работу в огороде. А по итогу у меня родилось аж пять детей. И, как ни странно, я все успела.

– Ты супер-женщина, энием, – ласково похлопываю ее по руке.

– Ты точно такая же, Айгуль. Просто пока еще не знаешь об этом.

– Спасибо, что ты на моей стороне. Это бесконечно ценно.

– Ну а как иначе? Ты же моя дочь. Я всегда буду на твоей стороне.

– Люблю тебя.

– А я тебя, – она чмокает меня в макушку. – И не переживай из-за того, что непутевый папашка отказался от малыша. Этот грех будет на его совести, и он обязательно за него заплатится.

Я снова шмыгаю носом и киваю. Родители не в курсе, что Демид не отказывался от ребенка, а просто не знает о нем. Это моя ответственность, моя тайна.

И я унесу ее с собой в могилу.

Глава 10

– Добрый день! Демид Андреевич у себя? – приближаюсь к посту секретарши.

– Здравствуйте! Да, – она вскидывает на меня взгляд. – Он вас ожидает?

Я предупреждала Гордеева, что зайду как-нибудь на днях, поэтому утвердительно качаю головой. Мол, да, ожидает.

– Проходите.

На секунду застываю перед массивной дубовой дверью. Делаю глубокий вдох и медленный выдох, призванный усмирить расшалившиеся нервы, и только после этого толкаю ручку.

Демид сидит за столом и сосредоточенно смотрит в компьютер. Весь такой серьезный, солидный, с аурой большого босса. Заметив вошедшего, он отрывается от монитора, фокусируется на мне, и в эту секунду в его взгляде зажигается нечто родное, теплое, светлое... То самое, что я так в нем полюбила...

Зажигается и гаснет. словно свеча, которую небрежно задули.

– Здравствуй, – тихо роняю, подступая ближе.

– Здравствуй, Айгуль, – отзывается он, не выпуская меня из зрительного капкана.

Больше ничего не произносим. Иногда тишина красноре-

чивее слов. В ней отражается все то, что невозможно передать через сознательные формулировки: боль, тоску, печаль о том, что все так глупо и прозаично закончилось...

С тех пор, как я вернулась в город от родителей, прошло чуть больше недели. Пребывание у родных было сложным, эмоционально изматывающим, и только безусловная поддержка матери помогала мне держаться на плаву.

Отец так и не отошел от моей новости и все время разговаривал со мной через губу. Разве что перед самым отъездом вздохнул и невнятно пробурчал что-то вроде: «Ладно, что ж теперь поделать...»

Отсюда я сделала вывод, что рано или поздно он меня простит. И, возможно, даже научится смотреть без вечного укора во взгляде.

Все прошлую неделю я активно собирала вещи и перевозила их в общежитие, освобождая квартиру Демида. Он не просил меня съезжать, я сама приняла это решение. У него на носу свадьба, ну а я должна научиться жить самостоятельно. Без него.

– Я съехала с квартиры, – кладу ключи на стол перед ним.
– Спасибо за возможность пожить красиво.

Он опускает глаза и смотрит на связку с такой ненавистью, будто это она повинна во всех наших бедах.

– Ты уверена, Айгуль?

– Да, – киваю. – Уверена.

Демид вздыхает, но к ключам не притрагивается. Снова

вскидывает на меня взгляд и вкрадчиво произносит:

– Ты думаешь, оно стоит того? Гордость важнее отношений, да?

– Не надо. Не поворачивай все так, – ощущаю, как к горлу снова подступают слезы.

В последнее время я проливаю их литрами. И никак не могу остановиться.

– Как так, Айгуль? – в лице Демида проступает напряжение.

– Будто это я виновата в нашем разрыве.

– Да я не хочу искать виноватых! – вспыхивает он. – Мне нужен компромисс! Почему ты не можешь пойти мне навстречу? Я ведь люблю тебя, малышка. Правда люблю...

Если бы любил, не причинял бы такую адскую боль.

– Просто не могу, – стискиваю кулаки так сильно, что ногти впиваются в кожу ладоней.

– Да почему?! – он выходит из-за стола и подходит ко мне.

Запах его парфюма забивается в ноздри и мутит мозги. Сильная энергетика давит. Хочется, как и прежде, сломаться, дать заднюю, согласиться на его условия... Но остатками трезвого ума я понимаю, что как прежде уже не будет.

Он изменился. Я тоже другая. И отныне у нас разные пути...

– Потому что ты сделал свой выбор, Демид. А я – свой.

– При твоём выборе мы оба несчастны, понимаешь?! – обхватывает меня за плечи и, притянув к себе, заглядывает

в глаза.

— А при твоём только я? — горько усмехаюсь с болью в голосе.

Я вижу, что он не хочет меня отпускать. Что ему тоже непросто. Ведь нить, которая связывала нас целый год, прямо сейчас с треском рвется...

Но порой так бывает: интересы одного противоречат интересам другого. И тогда нужно поблагодарить друг друга за счастливое прошлое и разойтись по сторонам. Дабы не отбирать шанс на счастье, которое возможно с кем-то другим...

Я знаю, что впереди у меня нелегкое время. Но, несмотря на это, я не теряю надежду, что однажды и на моей улице наступит праздник. Что когда-нибудь я смогу не просто снова полюбить, но и стать по-настоящему любимой. Смогу выстроить гармоничную жизнь, где отношения — не компромисс и не жертва. Где все честно, обоюдно и во всех смыслах взаимно.

Да и Демид, вполне вероятно, сможет найти счастья в грядущем браке. Это он сейчас называется его ненастоящим, договорным, но, когда они с женой съедутся, все наверняка изменится. Общий быт, как ни крути, сближает. Порождает общие интересы. Вызывает обоюдное влечение. Это естественно и правильно, но при этом я не хочу быть рядом и наблюдать за тем, как мужчина, которого я считала своим, постепенно влюбляется в другую женщину.

Уж лучше не знать. Не видеть. Находиться на безопасном

расстоянии.

Так будет проще пережить боль утраты и встать на путь исцеления души.

– Прощай, Демид, – произношу на выдохе, в последний раз с жадностью всматриваясь в серо-голубую радужку его глаз.

– Айгуль...

Он наклоняется, порываясь сорвать с мои губ еще один запретный поцелуй, но я отворачиваюсь. Мягко высвобождаюсь из его рук и делаю шаг назад.

Теперь это уже ник чему. Лишнее. Только зазря душу травить...

Вот если бы он сказал что-то вроде «Да к черту все! К черту эту женитьбу! Мне нужна только ты!». Я бы тогда, не раздумывая, рухнула в его объятия и снова растворилась в любви...

Но Демид не говорит ничего такого. Просто в очередной раз хочет воспользоваться моим телом, напрочь игнорируя потребности сердца.

Смахиваю с щеки слезинку и, сжав волю в кулак, устремляюсь прочь.

Вероятно, больше никогда не увижу этого человека. Но, несмотря ни на что, желаю ему счастья.

Глава 11

Восемь месяцев спустя.

Поглаживая округлившийся живот, сижу в кресле и медленно потягиваю ароматный мятный чай. Сейчас малыш уже довольно активный, и я хорошо чувствую его толчки. Брыкается, надо сказать, прямо как футболист. То локоток на поверхность вынырнет, то коленка.

В целом, беременность проходит неплохо, хотя, конечно, есть свои нюансы. Например, прежде у меня никогда не было проблем с сахаром, а в последние месяцы он постоянно повышен. Оказывается, даже есть такой термин «гестационный сахарный диабет» или, говоря простым языком, диабет беременных.

Врач сказала, что это довольно частое явление, но при этом при каждом удобном случае направляет меня на анализы. Я поделилась с мамой, и она успокоила меня, сообщив, что во время беременности моим старшим братом у нее тоже так было. В общем, пока наблюдаем.

В остальном я чувствую себя хорошо. Вот только живот под конец стал очень тяжелым. Мне трудно наклоняться, трудно спать на спине, даже просто идти по улице – тоже трудно. Силы быстро кончаются, и все время тянет прилечь.

С одной стороны, уже хочется родить, а с другой – очень

страшно. Справляюсь ли я с малышом? Смогу ли правильно за ним ухаживать? Кормить грудью, купать, одевать по погоде?

Я знаю, что есть специальные курсы для беременных, где всему этому учат, но у меня, к сожалению, нет на них времени. Сейчас каждый свободный час я посвящаю учебе. Активно осваиваю материал и готовлюсь к сессии, ведь она уже совсем скоро. Так же, как и мои роды.

Я решила, что возьму академический отпуск в следующем году, а в этом как-нибудь доучусь. К тому же мама уговорила отца отпустить ее на несколько месяцев ко мне, чтобы помогать с новорожденным ребенком.

Он, конечно, был жутко недоволен, но в итоге после долгих препирательств дал добро. Да и вообще его позиция оказалась гораздо более понимающая, чем я рассчитывала.

Так как с ребенком в общежитии жить нельзя, родители помогли мне снять крошечную квартиру-студию. Неказистую, небольшую, но при этом чистую и достаточно уютную. Конечно, в она не выдерживает никаких сравнений с квартирой Демида, в которой я жила, пока мы встречались, но в текущих условиях я не могу позволить себе привередничать.

Крыша над головой есть – и на том спасибо. Ведь сейчас я зарабатываю ничтожно мало. Пишу какие-то статейки по заказам на сайте фриланса, но этого хватает максимум на еду. Так что родители вынуждены мне помогать. В том числе и финансово.

С одной стороны, мне неловко брать у них деньги, ведь они и сами далеко не богачи. Но с другой, как еще матери-одиночке выживать в суровом мире? Это еще повезло, что у меня есть надежный тыл в виде близких. А без них я бы вообще чувствовала себя ничтожеством...

Короче, жизнь не сахар, но я не жалуясь и не ропщу. Ведь, согласитесь, все могло быть гораздо хуже... А так, я здорова, малыш, тьфу-тьфу-тьфу, тоже, жилье есть, родные поддержкой не обделили.

Я знаю, что справлюсь, и пытаюсь держаться на позитивной волне: улыбаться, гулять, общаться с подругами. Хотя порой все же накрывает... Стоит мне только вспомнить Демида, как на душе становится тяжело и тоскливо. Но я гоню эти чувства прочь. Что было, того не вернешь. И нужно, несмотря ни на что, стараться жить дальше.

На УЗИ, которое проходило на двадцатой неделе беременности, мне сообщили пол ребенка. Мальчик. Я, как узнала об этом, даже расплакалась на радостях. Всегда хотела быть мамой сына. Ведь это так здорово – растить и воспитывать настоящего мужчину, осторожно и бережно прививать ему знание о добром и вечном, направлять, поддерживать, быть опорой...

Если честно, я уже и имя ему придумала. Тимур. Вроде и современно, и у татар такое имя достаточно распространено. Все же в этом вопросе мне было важно угодить родителям, ведь они очень мне помогают.

Звонок в дверь выдергивает меня из размышлений и, опершись на подлокотник, я медленно поднимаюсь с кресла. На последнем месяце беременности я стала жутко нерасторопной.

Подхожу к двери и, бегло глянув в глазок, распахиваю ее.

– Привет, мамасита! – Светка, румяная и улыбающаяся, залетает в квартиру и заключает меня в осторожные объятия. – Это тебе!

– Что здесь? – принимаю из рук подруги картонный пакет.

– Кексы, – отвечает она, скидывая куртку. – Ппэшные, между прочим. Без глютена, без сахара и, судя по всему, без вкуса.

– Спасибо, – посмеиваюсь. – Проходи. Сейчас чайник поставлю.

По выходным мы со Светкой часто собираемся у меня. Хлещем чай, едим вкусняшки и развлекаем друг друга забавными историями. Она рассказывает мне о своих неудачных свиданиях, а я ей о том, как малыш днями напролет отплясывает чечетку на моем мочевом пузыре.

– О, смотри, – Цветкова хватает пульт и прибавляет звук на мерно тарахтящем телевизоре. – Это моя кафешка! Ну, точнее та, в которой я официанткой подрабатываю.

Городские новости вещают о фестивале пончиков, который проходит на этой неделе. Дескать, каждый день одна из кондитерских, принимающих участие в фестивале, бесплатно раздает пончики всем желающим.

– Очереди за этими пончиками гигантские, – делится Светка, не отрывая глаз от экрана. – На что только люди не пойдут ради бесплатного куска теста!

– Немудрено, – хихикаю. – На халяву вдвойне слаще.

– Это да.

Репортаж про фестиваль подходит к концу. Мы с Цветковой принимаемся распаковывать принесенные ей кексы, когда внезапно динамик телевизора доносит до меня звуки знакомого имени:

– На прошлых выходных состоялась роскошная свадьба известного бизнесмена Демида Гордеева и главной красавицы нашего города Алисы Саульской. Торжество было проведено в резиденции на берегу реки и собрало более двухсот гостей.

В это время на экран выводятся кадры со свадьбы, на которых отчетливо видно улыбающиеся лица молодожен...

– Блин! Сейчас выключу! – Света суетливо хватается за пульт.

– Не надо, – останавливаю я, с замиранием сердца глядя на то, как, стоя у алтаря, отец моего ребенка целует другую.

Глава 12

– Айгуль, ну зачем? – сокрушенно вздыхает Светка. – Только соль на раны сыпать...

Но ее слова проносятся мимо моих ушей. Все внимание сосредоточено на том, как Демид, приобняв свою теперь уже жену, что-то ласково нашептывает ей на ухо. Они выглядят счастливыми. По-настоящему счастливыми. Не фиктивно.

Его рука – на ее талии, ее голова – на его плече. Улыбаются. Принимают поздравления.

Голос за кадром рассказывает о многочисленных профессиональных достижениях Демида и добавляет, что до недавнего момента он считался одним из самых завидных холостяков нашего города.

Да уж. Это могло бы быть смешно, если бы не было так горько. Все то время, что Гордеев носил статус завидного холостяка, он состоял в отношениях со мной. Но кого это волнует, верно?

Я ведь не Алиса Саульская, чтобы с моим интересами и чувствами кто-то считался.

Снимки великолепного торжества плавно сменяют друг друга, а я продолжаю замороженно смотреть в телевизор. Подбородок дробно дрожит, в уголках глаз копится влага, а сердце заживо истекает кровью.

Ну почему так больно? Почему?!

Я ведь уже смирилась. Приняла и отпустила ситуацию. От меня тут ничего не зависит. Так бывает, верно? Мы выбираем, нас выбирают, как часто это не совпадает...

За минувшие восемь месяцев я внушила себе, что прошлое должно остаться в прошлом. Что Демид не стоит моих слез. Что отныне он чужой мне человек.

Но вот я вижу его, красивого, статного, в дорогом костюме и с обезоруживающей улыбкой на губах, и моя душа воет раненой волчицей. Ревет навзрыд, будто ребенок у магазина игрушек.

У его невесты такое красивое платье...

И фата.

И букет.

Где-то в параллельной вселенной на ее месте могла бы быть я, но не срослось. Не сложилось.

И вот теперь я сижу на крошечной кухне с огромным пузом, лопаю безвкусные кексы и пытаюсь внушить себе, что моя жизнь не так уж паршива. Мол, в том, что мужчина, которому я подарила всю себя, женится на другой, нет ничего трагичного. Подумаешь, роскошное празднование, сотни гостей и клятвы верности. Ну и что с того, что они сейчас наверняка в обнимку лежат где-нибудь на Багамах и строят радужные планы на будущее. Я не ревную. Не завидую. Не злюсь. Мне нормально. И это ни разу не самообман.

Честно? Я просто устала быть сильной и мыслить позитивно. Это трудно, черт возьми. Очень трудно. Особен-

но, когда каждое утро просыпаешься от толчков крошечной ножки, обнимаешь руками живот и... Понимаешь, что тебе не с кем разделить этого счастья.

Отец малыша не знает о нем, ему нет до него дела. Впрочем, как и до меня самой.

Все эти восемь месяцев я держалась, терпела. Пыталась быть сильной. Ради себя, ради сына, ради родителей. Глотала слезы, выдавливала улыбку, повторяла аффирмации.

Но минус искусственной маски состоит в том, что рано или поздно она трескается. И сейчас, кажется, настал тот самый момент.

Я резко оседаю на стул и роняю лицо в ладони. В груди так сильно печет и ноет, что мне хочется разодрать ребра и вытащить скулящее сердце наружу. Потому что я не могу больше терпеть его страдания.

По щекам текут слезы, нос забивается густой слизью. Я знаю, что выгляжу жалко, но ничего не могу с собой поделать. Плотину прорывает, и поток хлынувших эмоций не сдержать.

Светка, стоящая рядом, проворно выключает телевизор и выпускает тяжелый протяжный вздох. Неудобно перед ней: она рассчитывала на уютные девичьи посиделки, а получила киношную драму...

– Не отболело, да? – едва слышно спрашивает она.

Мотаю головой, громко шмыгая носом.

Не отболело. И понятия не имею, когда отболит.

– Зря ты это видела. Зря.

– Он с ней такой счастливый, – размазываю по щекам влагу. – Прямо светится весь...

– Да обычный вроде. Не заметила особого счастья в его глазах...

– Это ты мне так говоришь, – горько усмехаюсь. – Утешить хочешь.

– Айгуль, успокойся, пожалуйста, – Света подходит и начинает гладить меня по плечам. – Ты в положении, тебе нервничать нельзя...

Внезапно меня пронзает какое-то странное острое ощущение. Это не боль, но все же что-то непривычное... Будто внутри лопнула струна. А в следующую секунду подо мной резко делается мокро...

– Господи! Что это? – Света в ужасе таращится на лужу подо мной.

– Я... Я не знаю, – заикаюсь, вмиг забыв про слезы.

Несколько мгновений мы с Цветковой испуганно смотрим друг другу в глаза, а затем она подскакивает на месте и громко взвизгивает:

– Мать моя женщина! У тебя воды отошли, Айгуль! Воды!

И тогда я тоже отмираю. Судорожно хватаю ртом воздух, осознавая, что странное ощущение внутри нарастает, плавно перетекая в неприятное и даже болезненное...

– Я рожая, – суетливо лепечу, мечась по кухне.

– Успокойся! – подруга тоже вся на измене. – Где сумка

для роддома?

– А?

– Сумка! Ты ведь ее собрала?!

– Да-да, конечно, – судорожно соображаю. – Она под кроватью...

– Тогда я за сумкой, а ты вызывай скорую, поняла?

– Ага.

Трясущимися руками хватаю телефон и прикладываю его к уху. Озвучиваю всю информацию, которую требует от меня оператор и, получив инструкцию ждать, снова опускаюсь на стул. Прежде я никогда не была беременна и не рожала, но отчего-то точно знаю, что прямо сейчас у меня начинаются схватки. Тягучие, болезненные, прошибающие холодный липкий пот.

Света тем временем притаскивает к двери собранную мной сумку с вещами и папку с документами и вопросительно на меня косится:

– Ну как ты?

– Бывало и получше, – изо рта вырывается истеричный смех, а затем я снова жмурюсь от накативших ощущений.

– Ну ничего, – Цветкова подходит ближе и берет меня за руку. – Совсем скоро у тебя появится сын, и ты станешь самым счастливым человеком на земле. Еще немного, Айгуль, слышишь?

– Да, – пыхчу я.

Схватка уже позади, но дыхание сбито из-за нарастающе-

го волнения.

– Ничего не бойся, хорошо? – Светкина ладонь крепче стискивает мои пальцы. – Ты сильная. Ты со всем справишься, поняла?

– Поняла, – киваю я, отчаянно пытаюсь поверить в ее слова.

Глава 13

5 лет спустя.

– Ему у вас адвокатом надо быть! – смеется тренер по плаванию, вытаскивая Тимура из бассейна.

– Это еще почему? – накидываю полотенце сыну на плечи.

– Я его направляю, показываю, как правильно грести, а он мне: «Не смей меня трогать! Ты не имеешь на это право!»

– Да уж, – вздыхаю. – В последнее время где-то нахватался этого... Извините.

– Ничего, – отмахивается. – И не такое слышал.

– Ну а вообще, как у него дела? Получается что-нибудь?

– Хорошо, на воде уже уверенно держится. Вот только самовольничать очень любит.

– Это есть, – киваю.

Каждый день испытываю прелести характера сына на себе.

– Ну а в целом молодец! – тренер тянет Тимуру руку и с улыбкой произносит. – До пятницы, боец?

– До пятницы! – бодро провозглашает сын, отвечая на рукопожатие.

Увожу его в раздевалку. Стаскиваю с головы шапочку и очки, лохмачу мокрые волосы. Тимур уже совсем взрослый. Детская пухлость сошла, а во взгляде появился озорной

блеск.

По мнению окружающих, он очень похож на меня. Цветом волос, выражением лица. Вот только у меня глаза карие, а у Тимура серо-голубые. Точь-в-точь как у его отца.

– Опять споришь с Владиславом? – говорю с легким укором.

– Он заставляет меня плавать так, как мне не нравится.

– Но на то он и тренер, – возражаю мягко. – Ему виднее.

– Занятие очень короткое. Я хочу успеть повеселиться.

– Ты же помнишь нашу главную цель, ради которой мы пришли в бассейн?

– Да, – немного помолчав, отзывается мальчик.

– И какая же она?

– Научится плавать.

– Вот именно. А как ты собираешься научиться плавать, если не слушаешь тренера?

Тимур замирает. Судя по всему, мой вопрос кажется ему резонным, потому что через секунду он вздыхает и говорит:

– Ладно. В следующий раз не буду перечить Владиславу.

– Спасибо, сынок. В сауну пойдешь греться?

– Ага.

Тимур скрывается в детской сауне, а я присаживаюсь на диван поблизости и достаю из кармана телефон. На экране – два пропущенных с неизвестного номера. Какое-то время раздумываю, а потом решаю перезвонить. Мало ли.

Через пару-тройку гудков трубку поднимает женщина.

Голос не старый, но и не совсем юный. Примерно средних лет.

– Алло.

– Добрый вечер, – здороваюсь. – У меня пропущенные от вас.

– Ах, да, я вам звонила! Вы ведь Айгуль Ринатовна, верно?

– Верно. А к вам как могу обращаться?

– Меня зовут Алиса. Ваш контакт мне дала подруга. Очень советовала вас как психолога.

– Благодарю. Но, к сожалению, в данный момент я не беру новых клиентов. Расписание полностью забито.

– Айгуль Ринатовна, я понимаю, вы востребованный занятый специалист, но я очень нуждаюсь в вашей помощи! – с отчаянием выпаливает женщина. – У нас с мужем кризис в отношениях! Мы на грани развода!

Каждый раз, когда я слышу подобные истории, сердце екает состраданием. Но как профессиональный психолог я прекрасно понимаю важность сохранения личных границ. Мой день полностью загружен, набор клиентов действительно на стопе. Сейчас я работаю исключительно с теми, кто находится у меня в терапии давно.

Мне нужно беречь свой ресурс. А иначе даже любимая работа может привести к выгоранию.

– Сочувствую, но помочь, увы, не могу. Если хотите, могу дать вам контакт другого отличного психолога...

– Айгуль Ринатовна, вы не понимаете! – женщина на том конце провода всхлипывает. – Для меня это вопрос жизни и смерти! Я безумно люблю мужа, а он с каждым днем отдаляется от меня все сильнее и сильнее... Умоляю, помогите мне! Я готова платить двойную, тройную цену! Столько, сколько скажете! Только, пожалуйста, не отказывайте!

Конечно, мне нужны деньги, ведь я одна ращу сына и плачу ипотеку. Но брать плату сверх тарифа – не в моих правилах. Каким бы богатым клиент ни был. Мы с самого начала начинаем работу на честных условиях. Лишнего я не беру.

Однако что-то в голосе этой женщины заставляет меня усомниться в правильности изначально принятого решения. За время практики я научилась различать умелые манипуляции и истинные крики души. И чутье мне подсказывает, что эта женщина действительно на грани...

– Ну хорошо, – сдаюсь я. – Я могу взять вас на консультацию раз в неделю по стандартному тарифу. Чаше пока не получится.

– Спасибо вам огромное, – радуется моя собеседница. – Вы ангел!

– Ну бросьте. Как насчет вторника? – перевожу вызов на громкую связь и открываю календарь на телефоне. – Скажем, часа в три? Вам удобно будет?

– Думаю, да. Мы с мужем придем.

– Хорошо. Всю необходимую информацию и адрес офиса я скину вам сообщением.

– Спасибо, Айгуль Ринатовна. До встречи.

Попрощавшись, сбрасываю вызов и устремляю взгляд к сыну. Через небольшое окошко в двери сауны видно, как он общается с каким-то ровесником. Активно жестикулирует и что-то рьяно ему доказывает.

Вылитый Демид. По движениям, по мимике, по манере общения. Маленькая копия мужчины, который много лет назад разбил мне сердце и беспощадно прошелся по осколком.

Забавно даже, сейчас я профессионально занимаюсь тем, что лечу души людей. Однако, по иронии судьбы, моя собственная так и осталась невылеченной. Конечно, со временем раны заживают, но рубцы, похоже, останутся на всю жизнь...

Я по-прежнему помню нанесенную мне обиду. Да и замуж так и не вышла. Хотя были те, кто звал. На полном серьезе и не раз.

Зато у меня есть сын. Замечательный лучезарный мальчик со стальным характером. Мое главное достижение.

Он здоров, весел, и для меня это уже счастье. А все остальное, как говорится, приложится.

Глава 14

– Погоди, солнышко, – Никита обхватывает мое запястье, – куда ты опять ускользаешь?

– Ты же знаешь, мне пора, – отзываюсь я. – Работа.

– Работа подождет! – он дергает край простыни, которой я обмоталась, и вновь валит меня на постель.

– Никита! – шутливо бью его по плечам. – Отпусти!

– Не отпущу, – рычит он, нависая надо мной и покрывая поцелуями мои обнаженные плечи. – Меня бесит, что ты все время куда-то бежишь! Давай как-нибудь проведем целый день вместе?

– Я целыми днями работаю, – хихикаю, потому что его прикосновения щекочут.

– А на выходных?

– Выходные я провожу с сыном. Всегда.

– Да брось! – Никита заглядывает мне в глаза. – Он ведь у тебя уже большой пацан, не так ли? Найми ему няню. Или к бабушке сплавь.

У Никиты нет своих детей, поэтому было бы глупо надеяться, что он меня поймет. Я не жду от него поддержки или одобрения, но и объяснять одно и то же по сто раз уже устала.

Выходные принадлежат Тимуру. Точка. Я и так вечно на работе, а он в саду...

– Ну чего ты начинаешь? – вздыхаю я, становясь серьез-

ной. – Нас же обоих все устраивает. Зачем менять отлаженный уклад?

Нас с Никитой связывает только секс. Взаимовыгодный, комфортный, необходимый как для женского, так и для мужского здоровья. Мы встречаемся два раза в неделю, по утрам перед работой. Занимаемся любовью и расходимся каждый по своим делам.

Вечером и по выходным я общаюсь с сыном, а чем в это время занимается Никита мне неизвестно. Да и неинтересно, если честно. Мы ведь не пара.

Мы с Никитой познакомились полтора года назад в тренажерном зале. Я пришла туда в отчаянной попытке сбросить оставшиеся после беременности лишние килограммы. Не то чтобы их было прям много, но коррекция фигуры спортом все же требовалась.

Никита подошел ко мне, когда я пыталась настроить мудреный тренажер, и помог разобраться с оборудованием. А потом сообщил, что он тренер и проводит персональные тренировки.

В общем, слово за слово – и мы договорились заниматься вместе. С его помощью я действительно избавилась от лишнего веса, и моя фигура приобрела долгожданный эстетичный рельеф.

Спать мы с Никитой стали далеко не сразу, месяца через четыре после знакомства. Поначалу вспыхнувшая страсть воспринималась как единоразовая акция, но потом мы неза-

метно втянулись. И самое главное, формат «без обязательств» устраивал нас обоих. Никита был молод и не хотел серьезных отношения. А у меня банально не было на них времени.

На этой почве мы и сошлись. Однако в последние недели Никита все чаще предлагает совместный досуг и дополнительное времяпрепровождение, о котором мы не договаривались. И это меня напрягает.

– Нет, Айгуль! – выпаливает Никита, в один прыжок со скакивая с кровати. – Это тебя все устраивает! Не нас! Я уже давно хочу большего.

– Ну зачем? – развожу руками. – Ты же сам говорил, что длительные моногамные отношения тебе неинтересны. Помнишь?

– Помню, – он озадаченно чешет затылок. – Но это было давно... Что, если в последнее время мое мнение изменилось?

Я снова вздыхаю. Ох уж эта драма перезревшей романтики. С удовольствием бы в ней поучаствовала, но банально нет сил. Клиенты со своими проблемами высасывают все мои соки. Да и помимо работы дел невпроворот: надо водить сына по секциям, вовремя платить налоги и ипотеку, делать ремонт в недавно сданной застройщиком квартире. И это я еще про банальные бытовые обязанности вроде готовки и стирки молчу.

– Никит, пожалуйста, давай поговорим позже, – спокойно

прошу я. – У меня первый клиент уже через сорок минут. Я не могу опаздывать.

– Ладно, – Никита лохматит волосы. – Одевайся. Я тебя подвезу.

Его несомненным плюсом является то, что он неконфликтный и отходчивый. И я очень это ценю. В противном случае мы бы не продержались так долго.

По дороге до моего офиса болтаем о всякой милой чепухе: о работе, о недавно вышедших в прокат киноновинках, о планах на выходные. Никита останавливает машину у входа в здание, и, перегнувшись через подлокотник, я коротко целую его в щеку.

– До пятницы, – тихо произносит он.

– Пока, – бодро отвечаю я и выпархиваю из салона.

Рабочий день проходит, как обычно: консультации, разговоры, попытки докопаться до глубинной сути. Немного слез, немного смеха, много боли.

Люди вообще крайне редко приходят в терапию просто так. Только тогда, когда конкретно прижимает. Во-первых, это дорого. Во-вторых, отнимает много времени. В-третьих, требует выворачивать душу перед совершенно незнакомым человеком.

Короче говоря, терапия – это не развлечение и не элемент досуга. Это труд. Огромный труд над собой. И клиенты, которые ходят ко мне давно, прекрасно это понимают.

После консультации женщины по имени Алия, которая

пару месяцев назад потеряла мужа и теперь учится жить без него, я спускаюсь на первый этаж, чтобы пообедать. Бегло заглотив суп и салат, возвращаюсь в кабинет и привожу себя в порядок перед встречей с новой клиенткой, которая звонила мне на днях и очень просила о приеме.

Стук в дверь раздается ровно в три часа дня. Как мы и договаривались.

Мысленно отмечаю пунктуальность пришедших, а затем негромко кричу:

– Да-да, проходите.

Дверь распахивается, и на пороге появляется женщина лет тридцати пяти. Ухоженная, симпатичная, в модном брючном костюме. В первые секунды ее образ царапает нервы смутным узнаванием, но я не могу понять, где именно видела ее...

Однако в следующую секунду, когда следом за ней в кабинет заходит ее супруг, ситуация вмиг проясняется.

Потому что передо мной никто иной как Демид Гордеев. А рядом – его жена Алиса.

Глава 15

Эмоции захлестывают как череда бурных океанских волн. Ни вдохнуть, не выдохнуть не получается. Тут и шок, и смятение, и ужас, и страх, и недоумение...

Широко распахнув глаза, смотрю на представшую передо мной супружескую пару и впервые за годы в профессии не знаю, что сказать. Язык онемел и натурально прилип к небу. В горле встал огромный першащий ком. Мимика лица вышла из-под контроля.

Демид стоит в паре метров от меня и, спрятав ладони в карманы элегантных брюк, пристально глядит мне в глаза. Все такой же статный и мужественный. Такой же красивый. Разве что виски чуть тронулись сединой, и морщинки в уголках глаз сделались чуть глубже...

Но в целом это все тот же мужчина, образ которого я годами хранила в памяти.

Моя первая любовь.

И первое оглушающее разочарование.

– Здравствуйте, Айгуль Ринатовна, – улыбается Алиса, озираясь по сторонам.

И тут до меня внезапно доходит, что она здесь единственная, кто не понимает горькой сути происходящего. Она ведь впервые видит меня и, само собой, не знает, что нас с ее мужем связывает общее прошлое. Что много лет назад он на-

шептал мне на ухо слова любви, покрывал поцелуями тело, присваивал, подчинял, сводил с ума безудержной страстью...

Она не в курсе, что вот уже пять лет я в одиночку воспитываю его сына. И что глаза у него точь-в-точь как у отца.

– Здравствуйте, – хрипло отвечаю я, с трудом возвращая власть над голосовыми связками. – Представьтесь, пожалуйста.

– Я Алиса, – отвечает с готовностью. – А это мой супруг Демид.

Голова раскалывается от противоречий. С одной стороны, очевидно, что я не могу консультировать бывшего и его жену. Это непрофессионально и просто не по-человечески. Но, с другой, как мне сообщить им об этом сейчас, когда они уже отменили какие-то свои планы и пришли сюда?

Если честно, у меня ноль идей. Я настолько обескуражена, что мозг работает крайне медленно. Может, стоит сказать Алисе, что в прошлом я спала с ее мужем? Тогда она точно пулей вылетит из этого кабинета...

Ну нет. Я не имею права травмировать эту женщину. Она обратилась ко мне за помощью, и добивать ее подобными заявлениями – верх коварства.

Так, может, Демид что-то предпримет? Выдумает какие-то неотложные дела и под этим предлогом уведет ее отсюда?

В надежде перевожу взгляд на Гордеева, но его лицо мак-

симально бесстрастно. На нем нет совершенно никаких эмоций. Оно словно высечено из камня. Почему он такой равнодушный? Неужели ему снова плевать?!

Хотя... Чему я удивляюсь? Демид не из тех людей, кто излишне печется за чувства других. Как показала жизнь, он холодный, расчетливый и ставит выгоду превыше всего.

Возможно даже такое, что он едва меня помнит. Кто знает, сколько таких вот наивных дурочек побывало его в постели за минувшие годы? Десятки? Сотни?

Поэтому немудрено, что наша внезапная встреча не сильно его трогает. Подумаешь, бывшая... Одной больше, одной меньше.

Что ж. Раз Демиду начхать на сложившуюся патовую ситуацию, то почему она должна тревожить меня? Хочет, чтобы я была их семейным психологом? Да пожалуйста. Для меня это просто работа. Не более того.

– Прошу, присаживайтесь, – указываю на стулья, стоящие напротив меня.

– Спасибо, – Алиса первая принимает сидячее положение.

Демид, чуть погодя, следует примеру жены. Медленно опускается на мягкую обивку, скрещивает руки на груди и широко расставляет ноги, наглядно демонстрируя, кто в этой комнате мужик.

Ну окей. У себя на приемах я и не таких видала.

– Прежде, чем мы начнем сеанс и погрузимся в ваши запросы, я бы хотела знать, с какими эмоциями вы сюда при-

шли, – спокойным голосом начинаю я. – Прислушайтесь к своим ощущениям. Попробуйте сформулировать их.

Какое-то время они оба молчат. Алиса закрывает глаза, явно пытаясь погрузиться в свое бессознательное. А вот Демид, напротив, беззастенчиво сверлит меня взглядом, в котором отчетливо читается насмешка. Едкая такая, вызывающая.

Ему смешно? Пускай. Как правило, скептики на сеансах психотерапии получают самые мощные инсайты.

– Итак, – нарушаю тишину. – Алиса, может быть, вы начнете?

– Хорошо, – она заметноволнуется. – Мне надо описать свои чувства, да?

– Да, – киваю я. – В настоящем. Те, что испытываете прямо сейчас.

– Ну... Я немного нервничаю, – признается она.

– Так.

– А еще у меня есть сильное желание исправить ситуацию, с которой мы к вам сегодня пришли. Есть готовность работать над собой и меняться.

– Хорошо. А какие эмоции вы испытываете по отношению к своему партнеру?

Алиса ошарашенно моргает, а я подбадриваю:

– Не бойтесь. Говорите честно. В этом суть терапии.

– Ну... Я чувствую раздражение и... Немного обиды, – она прячет глаз в пол. – А еще страх...

– Спасибо, Алиса. Ну а вы, Демид? – перевожу внимание на Гордеева. – С какими эмоциями пришли сегодня? Что чувствуете сейчас?

– Ничего, – отвечает невозмутимо. – Я совершенно спокоен.

– Вы видите какую-то проблему в ваших отношениях? Или пришли сюда исключительно по просьбе жены?

– Проблема есть. Но, как по мне, разговорами ее не решишь.

– Психотерапия дает эффект только при отдаче обоим партнеров. Иначе это бессмысленная трата времени. Вы готовы поработать совместно со своей супругой?

– Валяйте, – усмехается небрежно. – Я же пришел сюда, верно?

Интерпретирую его ответ как «да», и вновь фокусируюсь на Алисе:

– Расскажите, пожалуйста, о том, что вас тревожит.

Она шумно вздыхает и, судорожно теребя ремешок своей сумочки, выдает:

– Мы с мужем очень хотим детей. Но проблема в том, что вот уже много лет у нас не получается зачать...

Глава 16

Признание Алисы на секунду вводит меня в ступор. Натурально вырубают все разумные профессиональные доводы и сталкивают в бездну растерянности. Я и помыслить не могла, что у Демида с Алисой нет детей. Думала, у них уже давно орава малышей...

Все эти годы я осознанно не следила за жизнью бывшего, хотя делать это было легко. Он как-никак человек богатый, известный и в какой-то степени даже публичный.

Однако в тот момент, когда Гордеев выбрал не меня и женился на Алисе, я дала себе обещание вычеркнуть этого человека не только из жизни, но и из мыслей. Я хотела ментально освободиться. Обрубить связь, которая причиняла мне боль. Конечно, это было непросто, но я справилась с поставленной задачей.

И вот тут новость. Прямо как снег на голову. Демид с Алисой не могут зачать. Целых пять лет...

Думаю, для них это большая проблема. Ведь такому влиятельному человеку, как Гордеев, непременно нужен наследник.

– Кхм... – прокашлявшись, прихожу в чувства. – Продолжайте.

– Мы женаты пять лет, – говорит Алиса со взволнованным придыханием. – Когда играли свадьбу, сразу знали, что

хотим детей. Пробовать начали сразу же, в первую брачную ночь, но результата, увы, до сих пор нет...

Бросаю короткий оценивающий взор на Демида. Он по-прежнему не выражает никаких чувств. Осанка гордая, взгляд – холодный и пустой.

Интересно, ему вообще есть дело до того, что говорит его жена? Или он уже давно потерял мотивацию к обсуждению их деликатной проблемы?

– Понятно, – отзываюсь я. – Что насчет медицинских обследований? Обращались к врачам?

– Конечно, – кивает Алиса. – Наш первый визит к репродуктологу состоялся спустя полгода после свадьбы. Обошли всех врачей, сдали анализы, никаких патологий не выявилось.

– То есть, по мнению медиков, вы оба абсолютно здоровы? – резюмирую я.

– Не совсем, – она слегка заминается. – У нас есть небольшие проблемы, связанные с возрастными изменениями, но ни одна из них, по словам врачей, не является объективным препятствием к зачатию. Однако, несмотря на это, у нас ничего не выходит...

Да уж. Ситуация и впрямь неприятная.

– Но, я так понимаю, ко мне вы пришли с несколько иной проблемой? – внимательно всматриваюсь в лицо Алисы.

Сквозь тонкий слой тонального крема на ее щеках явно проступает румянец. Ей неловко и стыдно. И каж-

дое новое откровение воспринимается психикой, будто публичное обнажение.

– Разумеется, – хрипло произносит она. – Так как мы оба очень хотим ребенка, а его все нет и нет, в нашем браке появляются проблемы. Копится раздражение и неудовлетворенность, теряется интерес друг к другу...

– Алиса, я хотела бы попросить вас говорить исключительно о своих чувствах. Оперируйте такими категориями как «я», «мне», «меня». Вы не можете достоверно знать, что испытывает ваш супруг. Когда придет очередь, он сам все расскажет

– Хорошо...

– Итак, – продолжаю. – В результате проблем с деторождением вы чувствуете неудовлетворенность, раздражение и теряете интерес к вашему мужу. Я правильно понимаю?

– Не совсем, – Алиса делает паузу, собираясь с мыслями. – Скорее, я чувствую угасание интереса с его стороны. И это словно соль на незаживающие раны.

– То есть вам кажется, что Демид больше не увлечен вами как женщиной?

– Именно. Хотя... – повисает пауза.

Я чувствую, что Алиса хочет что-то добавить, но почему-то не решается.

Не давлю, терпеливо выжидая. Даю ей время определиться: готова ли она приоткрыть очередную завесу личного, или еще не время.

– В общем, наверное, вам стоит знать, что наш с Демидом брак был своего рода договорным.

– А это здесь при чем? – вмешивается Гордеев с недовольством в голосе.

– Я... Я просто думала, что это лучше раскроет нашу ситуацию... – лепечет Алиса.

– Демид, пожалуйста, не давите, – обращаю внимание к нему. – Каждый из вас имеет право высказывать то, что считает нужным.

– Может, нам еще всю историю жизни вам рассказать? Прямо с момента рождения? – насмешливо роняет он.

– Если вам это необходимо, то пожалуйста, – отвечаю бесстрастно.

Несколько секунд мы с ним безмолвно бодаемся взглядами. Демид вновь пытается прогнуть, продавить, пошатнуть мою волю. Но я больше не глупая девятнадцатилетняя девочка, которая жадно заглядывала ему в рот. Я выросла. Изменилась. И поняла, что даже самым сильным мира сего можно без опаски говорить «нет».

– Алиса, продолжайте, пожалуйста, – нарушаю затянувшуюся тишину. – Вы упомянули, что ваш с Демидом брак был договорным.

– Да. Мой отец и Демид вместе вели и ведут бизнес, поэтому наш союз был, так сказать, предрешен.

– Это как-то повлияло на ваши чувства к супругу?

– На мои? – она задумывается. – Да, пожалуй, что нет. Я

была влюблена в Демида с юности. И много лет ждала, пока он нагуляется.

Так вот оно что. Выходит, пока Гордеев играл в любовь со мной, Алиса преданно ждала, когда до нее наконец дойдет очередь.

Какой же Демид все-таки эгоист.

– У вас была какая-то обида из-за долгого ожидания брака?

– Да... Наверное, да, – признается она. – Я хотела семью и детей, а Демид все тянул.

– Дорогая, думаю, мы сильно отвлеклись от темы, – вновь недовольно вставляет Гордеев.

– Да, извини, – отзывается она. – В общем, из-за отсутствия детей в наших отношениях наметился кризис. Я не ощущаю себя любимой, желанной... Порой мне кажется, что Демид смотрит на меня и жалеет, что связал со мной жизнь...

– А какие при этом эмоции вы испытываете по отношению к нему?

– Я... Я не знаю... Точнее я люблю его и хочу сохранить наш брак, но я устала... Устала биться головой об глухую стену...

Алиса сглатывает, и по ее щеке прокатывается одинокая слезинка. Тактично протягиваю ей салфетки, и она промокает ими влажные глаза.

– Благодарю вас откровенность, Алиса, – немного помол-

чав, произношу я, а затем снова гляжу на Гордеева. – Ну а теперь, Демид, ваша очередь озвучить свое видение сложившейся ситуации. Пожалуйста, постарайтесь быть искренним.

Глава 17

В отличие от жены, Гордеев не спешит выворачивать душу наизнанку. В его взгляде читается недоверие, а на губах – едва уловимая саркастичная усмешка.

Он прокашливается. Поправляет галстук. Надменно вздергивает подбородок.

– Я считаю, что моя супруга склонна излишне драматизировать, – не моргая, чеканит он. – Да, мы не можем зачать ребенка. Да, это, бесспорно, расстраивает нас обоих. Но в остальном мы живем так, как жили. Не лучше и не хуже.

– То есть вы не согласны с утверждением, будто из-за проблем с зачатием ваш интерес к супруге угасает? – уточняю я.

– Не согласен.

– То есть вы по-прежнему испытываете к ней глубокие сильные чувства?

Демид едва заметно поджимает губ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.